50
И 586

ХРОНИКА

ПОЛКОВЪ 21-Й ПѢХОТНОЙ ДИВИЗІИ

ПЕРЕПЛЕТНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
О. ЗИБЕРТЪ
въ ТИФЛИСѢ

19197
2349

50
586

БОЕВАЯ ХРОНИКА

ПОЛКОВЪ

21-й ПѢХОТНОЙ ДИВИЗІИ.

Составилъ полковникъ Потто.

ТИФЛИСЪ
1888 г.

Типографія Окружнаго Штаба Кавказскаго военнаго округа.

ф6866-43

Печатано съ разрѣшенія Командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа.

2007057033

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Апшеронскій полкъ.
II. Дагестанскій.
III. Самурскій.
IV. Ширванскій.
V. Дагестанскій конно-иррегулярный.

I.

АПШЕРОНСКІЙ ПѢХОТНЫЙ ПОЛКЪ.

9-го іюля 1724 года, въ крѣпости св. Креста, остатки которой, какъ памятникъ Петровскаго времени, стоятъ и понынѣ на правомъ берегу Сулака, верстахъ въ шести отъ Казіюрта,—сформированъ былъ Астрабадскій пѣхотный полкъ, принявшій это названіе отъ одной изъ завоеванныхъ въ то время персидскихъ провинцій. Съ этого времени полкъ, въ составѣ Низового корпуса, сражается подъ начальствомъ генераловъ Матюшкина, Левашова, Румянцева, Еропкина, князя Долгорукова,—людей, умѣвшихъ съ незначительными средствами бороться на громадномъ пространствѣ и бить непріятеля, не справляясь съ его числительностію. Это была война, въ которой войскамъ приходилось выносить удушливый 40° жаръ, при постоянной почти безводицѣ, дѣлать утомительнодлинные переходы, то по песчанымъ прибрежьямъ, то по дремучимъ лѣсамъ и горнымъ тѣснинамъ, итти одному противъ десятерыхъ, а отдыхомъ считать пребываніе въ уединенныхъ укрѣпленіяхъ, заброшенныхъ Богъ вѣсть въ какую глушь, посреди враждебнаго и полудикаго народа,—вотъ школа, въ которой выработались тѣ дивныя качества, которыя полки Низового корпуса блистательно проявляли во всѣхъ бояхъ, куда бы не приводила ихъ судьба: въ Турцію, въ Швецію, въ Пруссію, въ Италію. Тѣ же качества, впослѣдствіи, по прошествіи почти цѣлаго столѣтія со времени своего существованія, они принесли съ собой и на Кавказъ.

Въ 1732 году, когда войска оставили персидскія провиціи, Астрабадскій полкъ переименовывается въ Апшеронскій,—и съ тѣхъ поръ это имя остается за нимъ до послѣдняго времени.

Черезъ пять лѣтъ, когда съ Персіей заключенъ былъ миръ, и русская граница опять отодвинулась на Терекъ, Низовой корпусъ уходитъ съ Кавказа, и Апшеронскій полкъ съ фельдмаршаломъ Минихомъ громитъ Очаковъ, участвуетъ въ блистательной побѣдѣ при Ставучанахъ и беретъ Хотинъ. Это были первые лавровые вѣнки, украсившіе знамена Апшеронскаго полка на новомъ театрѣ войны,—и съ этихъ поръ полкъ въ теченіи полутораста лѣтъ почти не выходитъ изъ битвъ и походовъ.

Въ Пруссіи онъ сражается подъ начальствомъ Апраксина, Фермора и Салтыкова, бьется подъ Цорндорфомъ и Кунерсдорфомъ, и заканчиваетъ войну подвигомъ, повергшимъ въ трепетъ цѣлую Пруссію и заставившимъ о себѣ говорить во всѣхъ европейскихъ столицахъ. Это было взятіе Берлина, и славнымъ памятникомъ этого событія служатъ понынѣ серебряныя трубы, пожалованныя полку, съ надписью: «Поспѣшность и храбрость. Взятіе города Берлина. 28 сентября 1760 года.»

Начинается блистательное царствованіе Екатерины Великой, и Апшеронскій полкъ ознаменовываетъ себя подъ Хотиномъ, Ларгой и Кагуломъ. Отсюда онъ переносится въ Крымъ, дѣлается участникомъ великаго событія присоединенія къ Россіи Тавриды, и затѣмъ снова громитъ турецкія арміи подъ Измаиломъ, Журжей и Силистріей.

Въ этой войнѣ полкъ впервые становится подъ знамена Суворова, съ которымъ, такъ сказать, сродняется уже окон-

чательно на поляхъ Италіи. Воображеніе, рисуя Суворова на вершинахъ Альпъ, невольно создаетъ рядомъ съ нимъ образъ неизмѣннаго сподвижника его—Милорадовича, а имя Милорадовича, въ свою очередь, тѣсно сливается съ именемъ апшеронцевъ. Уже одно то, что въ эту эпоху Апшеронскимъ полкомъ командовалъ Милорадовичъ—Баярдъ русской арміи, имя котораго никогда не умретъ въ памяти русскаго народа, служило залогомъ громкихъ подвиговъ. И, дѣйствительно, Бассиніано, Требія, Нови, С. Готардъ, Чортовъ мостъ, долина Мутена—вотъ имена, которыя въ скрижаляхъ Апшеронскаго полка должны быть врѣзаны золотыми буквами.

Императоръ Павелъ пожаловалъ полку гренадерскій бой за отличіе.

Затѣмъ полкъ сражается подъ Аустерлицемъ, а въ слѣдующемъ, 1806 году опять переходитъ на поля Европейской Турціи, гдѣ участвуетъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ Михельсона, Прозоровскаго, Багратіона, Каменскаго, Кутузова.

Отечественная война застаетъ Апшеронскій полкъ уже въ арміи Тормасова, онъ сражается подъ Кобринымъ, на берегахъ Березины, потомъ переходитъ въ Германію и достигаетъ Парижа.

Въ 1815 году апшеронцы блокируютъ Мецъ и, по сдачѣ этой крѣпости, остаются съ корпусомъ графа Воронцова во Франціи почти до половины 1817 года; затѣмъ, возвратившись въ Россію, они располагаются въ Москвѣ, а въ 1819 году дѣлаютъ новый далекій походъ въ составъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

Полкъ прибылъ на Кавказъ осенью, прямо въ главную квартиру Ермолова, стоявшаго тогда подъ Внезапной. Когда крѣпость была готова, рѣшено было наказать качкалыковскихъ

чеченцевъ, и 2-го октября третій баталіонъ апшеронцевъ штурмуетъ главный качкалыковскій аулъ Исти-су. Это былъ первый дебютъ, первый кавказскій бой полка, которому суждено было, впослѣдствіи, уже въ безчисленныхъ бояхъ стяжать себѣ громкую заслуженную извѣстность.

Апшеронцы исполнили задачу молодцами. Препебрегая огнемъ непріятеля, они безъ выстрѣла пошли въ штыки и черезъ полъ-часа аулъ уже находился въ нашихъ рукахъ.

Покончивъ съ качкалыковцами, Апшеронскій полкъ участвовалъ въ акушинскомъ походѣ Ермолова и въ битвѣ подъ Лавашами. Отсюда онъ отправился въ Кубу, гдѣ укомплектовался до полнаго боевого состава людьми и офицерами Троицкаго полка, который въ кадрахъ выступалъ въ Россію. Много лѣтъ Троицкій полкъ находился на Кавказѣ и рядъ геройскихъ подвиговъ своихъ закончилъ въ декабрѣ того-же 1819 года безсмертною обороною Чираха. Герой этой обороны капитанъ Овечкинъ и горсть, оставшихся въ живыхъ, храбрыхъ соратниковъ его поступили въ ряды апшеронцевъ. Въ то же время и командиромъ Апшеронскаго полка назначенъ былъ старый кавказецъ полковникъ Мищенко, георгіевскій кавалеръ, одинъ изъ тѣхъ, которымъ мы были обязаны спасеніемъ чести русскаго оружія въ кровавые дни башлынской неудачи.

Едва полкъ окончательно сформировался, какъ два баталіона его, въ отрядѣ князя Мадатова, двинулись для покоренія Казикумыкскаго ханства. Бой произошелъ 12 іюня подъ Хозрекомъ. Во главѣ атакующихъ войскъ шли апшеронцы. Мадатовъ, какъ всегда, спокойный и веселый самъ руководилъ атакой. Напрасно окружающіе просили его отъѣхать, чтобы не подвергаться опасности. «А если я уѣду, то кто же возьметъ

Хозрекъ?» спросилъ онъ, обращаясь къ офицерамъ. «Мы возьмемъ его, ваше сіятельство!» отвѣчалъ за всѣхъ подполковникъ Сагиновъ, и съ баталіономъ Апшеронскаго полка кинулся на приступъ. Онъ первый взошелъ на городскую стѣну и былъ раненъ. Солдаты ворвались по его слѣдамъ, взяли мечеть, послѣдній редютъ защитниковъ,—и знамя Апшеронскаго полка, утвержденное на минаретѣ, возвѣстило паденіе Хозрека.

Казикумухъ, важный по своему центральному положенію въ горахъ, былъ присоединенъ къ русскимъ владѣніямъ.

Въ 1821 году Апшеронскій полкъ участвовалъ въ заложеніи крѣпости Бурной, а въ 23-мъ при усмиреніи мятежа, охватившаго шамхальство. Военныя дѣйствія начинаются нападеніемъ на роту Апшеронскаго полка, сопровождавшую транспортъ изъ Бурной. Около Кафыръ-Кумыка рота была атакована двухъ-тысячною конною толпою. Тогда капитанъ Овечкинъ,—извѣстный защитникъ Чираха, устроилъ изъ повозокъ каре и отбивался въ немъ пока не подоспѣла помощь. Непріятель, между тѣмъ, также усилился до шести тысячь и ночью, обложивъ транспортъ, повелъ траншеи. Но едва забрезжился свѣтъ, какъ апшеронцы съ барабаннымъ боемъ кинулись на непріятельскіе окопы. Траншея взята была приступомъ и бѣгущій непріятель преслѣдованъ до Кафыръ-Кумыка.

Въ промежутокъ послѣднихъ событій, полкъ въ 1822 году перешелъ изъ Кубы въ Кусары, нынѣшнюю штабъ-квартиру Ширванскаго полка, и занималъ ее 12 лѣтъ, до перехода своего въ Шуру.

Вторженіе персіянъ въ 1826 году застало одинъ баталіонъ Апшеронскаго полка въ Сѣверномъ Дагестанѣ, а два сосредоточены были въ Кубѣ, гдѣ выдержали долгую блокаду, и только прибытіе Ермолова въ Нуху позволило нашимъ вой-

скамъ перейти въ наступленіе. Полковникъ Мищенко съ Апшеронскимъ полкомъ двинулся къ Джавату. На самой переправѣ черезъ Куру 14-го октября апшеронцы имѣли жаркое дѣло: баталіонъ маіора Марченки овладѣлъ мостомъ, взялъ два непріятельскія орудія и преслѣдовалъ персіянъ по Муганской степи. Зимою Апшеронскій полкъ съ княземъ Мадатовымъ участвовалъ въ мешкинской экспедиціи, наведшій ужасъ на самый Тавризъ.

Затѣмъ ни въ персидской кампаніи 1827 года, ни въ турецкой войнѣ Паскевича полкъ не участвовалъ. Въ этотъ періодъ времени онъ стоялъ на стражѣ спокойствія Дагестана, и боевыя дѣйствія его, послѣ долгаго перерыва, начинаются только съ появленіемъ въ 1831 году Кази-муллы, провозгласившаго газаватъ противъ невѣрныхъ.

Взрывъ мюридизма застаетъ полкъ расположеннымъ въ окрестностяхъ Кубы, откуда онъ высылаетъ свои части на помощь Сѣверному Дагестану. Эти части участвуютъ въ безпрерывныхъ дѣлахъ съ Кази-муллою въ 1831-мъ и 1832-мъ годахъ—а въ 34-мъ и весь полкъ передвигается изъ Южнаго въ Сѣверный Дагестанъ, гдѣ занимаетъ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Въ этомъ году послѣдовало общее преобразованіе Кавказскаго корпуса, и Апшеронскій полкъ приведенъ былъ изъ трехъ въ пяти-баталіонный составъ; при этомъ 2-й баталіонъ его отчисленъ въ Мингрельскій полкъ, а къ оставшимся двумъ прибавлены: одинъ отъ Куринскаго полка и два отъ 43-го егерскаго. Вслѣдствіе этого и самое старшинство полка повелѣно считать уже не съ 1724, а съ 1700 года, т. е.: со времени учрежденія 43-го полка, именовавшагося въ тѣ времена полкомъ Николая Балка—Новгородскаго.

Вмѣстѣ съ переформированіемъ, штабъ-квартира полка

переведена изъ Кусаровъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, которая, по важности своего стратегическаго положенія, получила, впослѣдствіи, всеобщую извѣстность, какъ центръ не только боевого, но и административнаго управленія всѣмъ Дагестаномъ. Темиръ-Ханъ-Шура—собственно шамхальскій ауль, на мѣстѣ котораго еще въ 1832 году заложено было маленькое укрѣпленіе, какъ опорный пунктъ для дѣйствія нашихъ войскъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Съ переходомъ сюда аншеронцевъ, укрѣпленіе оказалось тѣснымъ и его пришлось раздвинуть для устройства казармъ и полковыхъ помѣщеній; къ южной сторонѣ его пристроился также форштадтъ, въ которомъ тотчасъ появились небольшія, но красивые домики семейныхъ офицеровъ и солдатъ, попреимуществу турлучные или сырцоваго кирпича и съ плоскими земляными кровлями. Площадь среди форштадта обстроилась духанами и лавками и стала привлекать къ себѣ жителей окрестныхъ ауловъ, которые, стекаясь на базары, пріучались къ торговлѣ и къ сближенію съ русскими.

Въ Шурѣ, въ командованіе полкомъ вступилъ извѣстный въ то время на Кавказѣ полковникъ Клюки-фонъ-Клугенау, одновременно съ тѣмъ сохранившій за собою и званіе командующаго войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Подъ начальствомъ этого отважнаго командира, полкъ тотчасъ же ознаменовываетъ себя славнымъ подвигомъ въ гимринскомъ набѣгѣ, окончившимся совершеннымъ истребленіемъ этого богатаго аула съ его великолѣпными садами, и еще болѣе знаменитымъ штурмомъ Гоцатлинскихъ высотъ 18-го октября, передавшимъ въ наши руки Аварію и на два года водворившимъ въ Дагестанѣ хоть нѣкоторое спокойствіе.

Гоцатлинскій штурмъ доставилъ Клугенау чинъ генералъ-

маіора, и на мѣсто его командиромъ полка назначенъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ графъ Ивеличъ. Пользуясь наступившимъ затишьемъ, изрѣдка перерываемымъ лишь небольшими тревогами, Ивеличъ много заботился объ устройствѣ Шуры, стараясь повозможности доставить апшеронцамъ удобную стоянку. Собственно же усиленная боевая дѣятельность полка начинается только съ 1837 года, т. е. со времени окончательнаго утвержденія власти Шамиля въ горахъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ этого года два баталіона Апшеронскаго полка вытребованы были въ Чечню, въ экспедицію генерала Фези. Апшеронцы брали и жгли аулы, рубили лѣса, несли всѣ тяжести зимней экспедиціи, и если на этотъ разъ не выпало на долю этимъ баталіонамъ особенно блестящихъ дѣлъ, за то они достались на долю ихъ товарищей, оставшихся въ Дагестанѣ.

Чтобы отвлечь вниманіе горцевъ отъ дѣйствій чеченскаго отряда, генералъ Клугенау произвелъ диверсію къ сторонѣ ашильтинскаго моста и появился въ пяти верстахъ отъ самой резиденціи Шамиля, бывшей тогда въ Ашильтахъ.

Съ Клугенау находились два апшеронскіе баталіона, 1-й и 3-й, каждый въ составѣ 400 штыковъ. Спустившись къ Гимрамъ, двѣ апшеронскія роты съ маіоромъ Абраменко пробрались скрытными тропами къ Ашильтамъ и захватили мостъ. На тревогу собрались тысячи горцевъ и отступленіе ротамъ было отрѣзано. Тогда рѣшено было дождаться ночи и, пользуясь темнотой, безъ дорогъ подняться на Карапай. Цѣлый день шло жаркое дѣло; командиръ полка генералъ-маіоръ графъ Ивеличъ, находившійся при этихъ ротахъ, былъ раненъ пулею въ руку; но, къ сожалѣнію, онъ не дождался ночи и сталъ подниматься на Карапай, когда еще было свѣт-

ло. Горцы окружили отрядъ—и началась катастрофа: Пвеличъ былъ убитъ, Абраменко изрубленъ, болѣе половины апшеронцевъ легло, но остальные все таки пробились и на рукахъ вынесли кегорновыя мортиры. Тѣло графа Пвелича, скатившееся въ пропасть, также было разыскано и вынесено изъ боя апшеронцами.

Клугенау съ остальными ротами избѣжалъ потери, благодаря лишь необычайному присутствію духа. Видя, что гимринскіе жители уже готовы присоединиться къ горцамъ и отрѣзать ему отступленіе, онъ одинъ подъѣхалъ къ ихъ толпамъ, стоявшимъ передъ аломъ, слѣзъ съ коня, закурилъ сигару и, сидя на камнѣ, спокойно сталъ разговаривать съ ихъ старшинами. Кажется все, что было въ Гимрахъ, собралось сюда, любопытствуя видѣть грознаго генерала; а роты между тѣмъ окольною дорогою быстро прошли черезъ аулъ, и когда миновали опасное мѣсто, Клугенау, зорко слѣдившій за ними, не торопясь, приказалъ подать себѣ коня, сѣлъ въ сѣдло, и вдругъ во весь опоръ поскакалъ къ отряду. Тутъ только спохватились гимринцы въ чемъ дѣло, но было уже поздно. Одинъ изъ нихъ въ досадѣ выстрѣлилъ и разбилъ камень, на которомъ сидѣлъ генералъ.

Экспедиція вполнѣ достигла цѣли, такъ какъ приковала къ Ашильтамъ все вниманіе горцевъ, но стоила апшеронцамъ дорого: кромѣ графа Пвелича выбыло изъ строя четыре офицера и болѣе ста нижнихъ чиновъ.

Нынѣ, подъѣзжая къ Шурѣ со стороны Чирь-Юрта, взоръ вашъ невольно остановится на высокомъ холмѣ, увѣнчанномъ полуразрушенными могильными памятниками. Это старое, заброшенное полковое кладбище. Высокій кирпичный обелискъ, рельефнѣе другихъ выдѣляющійся изъ этихъ памят-

никовъ, знаменуетъ мѣсто вѣчнаго успокоенія графа Пвелича. Вокругъ него не много могилъ, но всѣ онѣ принадлежатъ доблестнымъ апшеронцамъ. Мракъ и запустѣніе царятъ на этомъ забытомъ кладбище, и ниспровергнутыя съ пьедесталовъ гробницы и кресты погребли подъ своими развалинами и самыя имена апшеронцевъ, сложившихъ свои головы въ теченіи долгой кавказской войны *).

Въ томъ-же, 1837 году, три баталіона Апшеронскаго полка участвуютъ въ аварской экспедиціи генерала Фези, и ознаменовываютъ себя блистательнымъ ашильтинскимъ штурмомъ, справедливо занимающимъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ кавказской войны. Въ крѣпкомъ замкѣ этого селенія, служившимъ резиденціею Шамиля, имамъ оставилъ свою семью и имущество подъ охраною двухъ-тысячъ отборныхъ мюридовъ, предводимыхъ Сурхаемъ и Али-бекомъ. На штурмъ назначены были два баталіона апшеронцевъ. Сбросивъ ранцы, безъ выстрѣла ворвались они въ селеніе—и послѣ семи-часоваго страшнаго рукопашнаго боя, апшеронскія знамена уже вѣяли на грозномъ ашильтинскомъ замкѣ.

Отъ Ашильты отрядъ перешолъ къ Ахульго; честь взятія его было предоставлена 4-му баталіону,—и баталіонъ, подъ командою маіора Педяша, быстро взбирается по отвѣсной скалѣ, овладѣваетъ башней и береть три фалькопета. Бѣжавшіе отсюда горцы укрылись въ пещерахъ на берегу Койсу; но апшеронцы штурмуютъ пещеры—и остатки ахуль-

*) Нынѣ главноначальствующій на Кавказѣ князь Дондуковъ-Корсаковъ, въ своей постоянной заботливости о сохраненіи памятниковъ кавказской войны, приказалъ возобновить и привести въ порядокъ всѣ старыя кладбища и могилы, въ которыхъ покоятся останки доблестныхъ героевъ.

гинскаго гарнизона гибнутъ подъ ихъ штыками.

Въ 1838 году апшеронцы усмиряютъ возстаніе Самурскаго округа, и выдерживаютъ кровавый пяти-дневный бой на Аджіахурскихъ высотахъ. Затѣмъ слѣдуетъ, памятная всѣмъ, ахульгинская экспедиція Граббе. Но путь къ Ахульго преграждаютъ 16-ть тысячъ горцевъ, занявшихъ селеніе Аргуани—и отъ удачнаго штурма этой позиціи зависѣлъ весь успѣхъ экспедиціи. 30-го мая 1839 года, въ то время, какъ штурмовыя колонны обходили селеніе, двумъ апшеронскимъ баталіонамъ приказано было привлечь на себя вниманіе непріятеля. Одинъ изъ этихъ баталіоновъ, поднявшійся поодиночкѣ на вершину узкаго гребня, быстро подошелъ къ аулу; но тутъ дорога внезапно оборвалась и передъ апшеронцами очутился глубокій ровъ, а за нимъ круглая башня, усѣянная бойницами. Несмотря на трудность подступа и убійственный огонь. апшеронцы не задумались передъ этимъ оврагомъ—и черезъ полъ-часа башня взята была приступомъ. Наступившая ночь закончила первый подготовительный періодъ боя.

На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, послѣдовалъ общій штурмъ, и тотъ-же баталіонъ апшеронцевъ врывается въ Аргуани, со стороны занятой имъ башни. То, что произошло въ Аргуани, не поддается никакому описанію: рѣзня, въ которой никто не просилъ и никто не далъ пощады, продолжалась съ утра до глубокой ночи, и только къ разсвѣту 1-го іюня все было кончено. Отъ Аргуани остались однѣ дымившіяся, залитыя кровью, заваленныя трупами, развалины.

Изъ эпизодовъ ахульгинской осады особаго вниманія, по отношенію къ апшеронцамъ, заслуживаетъ борьба за Сурхаевскую башню. На штурмъ ея 29-го іюня назначенъ былъ

2-й баталіонъ, подъ командою маіора Тарасевича. Но едва апшеронцы вскорабкались на отвѣсный утесъ, какъ вынуждены были остановиться: надъ ихъ головою, далеко выдвигаясь надъ пропастью, нависла огромная каменная глыба, а два недоступные завала перекрестнымъ огнемъ пронизывали, образовавшееся подъ нею, мертвое пространство. Казалось, сама смерть устроила здѣсь свое логовище. Одна минута раздумья—и, солдаты, подсаживая другъ друга, какъ мухи, поползли по скалѣ на верхъ. Но преодолѣть роковую глыбу все-таки было невозможно: горцы стрѣляли въ-упоръ. и трупъ за трупомъ катился въ глубокую пропасть; самъ Тарасевичъ былъ раненъ. Въ довершеніе бѣдъ наша артиллерія, желая помочь штурмующимъ, принялась стрѣлять залпами и огромные обломки скалъ и камней били своихъ-же. Въ этой невозможной борьбѣ рота смѣняла роту, одинъ за однимъ гибли отважные апшеронцы,—и Богъ знаетъ чѣмъ-бы окончилась эта страшная бойня, если-бы съ наступленіемъ темноты не было приказано оставить утесъ. Штурмъ не удался; но эта неудача выказала доблесть полка болѣе, чѣмъ выказала-бы ее самая блестящая побѣда. Буквально разстрѣливаемые, апшеронцы отошли только тогда, когда получили на то приказаніе.

Осада продолжалась. 4-го іюля апшеронцы отбили сильную вылазку, но горцы успѣли все-таки зажечь мантилетъ, прикрывавшій голову сапы, и пламя, раздуваемое вѣтромъ, быстро перешло на туры, а непріятель тѣмъ временемъ открылъ убійственный огонь по пожарищу. Распорядительность храбраго апшеронца, штабсъ-капитана Лисаневича, успѣла остановить пожаръ, но самъ онъ заплатилъ за это жизнію: пуля положила его на мѣстѣ.

Въ тотъ-же день, съ двухъ-часовъ пополудни, всѣ русскія батареи принялись громить Сурхаевскую башню. Въ это время 200-ти апшеронцевъ, выбранные изъ массы охотниковъ итти на штурмъ, собрались у подошвы утеса и ждали только сигнала, чтобы ринуться на вторичный приступъ; съ ними былъ и командиръ баталіона маіоръ Тарасевичъ. Около пяти часовъ вся башня представляла какой-то хаосъ камней, нагроможденныхъ одни надъ другими. Тогда прозвучалъ сигналъ—и охотники бросились. Повторились всѣ ужасы предъидущаго штурма,—и опять пришло приказаніе отойти и, укрывшись скалою, ждать ночи. Снова загремѣли орудія; мюриды гибли подъ развалинами башни и, наконецъ, истощивъ послѣднее мужество, рѣшились перебраться въ сосѣднее укрѣпленіе. Этимъ моментомъ воспользовались охотники и, вскочивъ на утесъ, захватили башню.

Съ паденіемъ этого орлинаго гнѣзда, наши удары обратились на Новое Ахульго. 14 іюля, когда одна изъ башенъ его была разрушена, Граббе приказалъ апшеронской ротѣ занять горный уступъ, находившійся на четверть ружейнаго выстрѣла отъ замка. Это было исполнено подъ страшнымъ огнемъ непріятеля, и рота, какъ свидѣтельствуетъ Граббе, расположившись на уступѣ, тотчасъ запѣла пѣсни.

Во время штурма 16 іюля, апшеронцы произвели демонстрацію, стоившую имъ храбраго маіора Тарасевича, раненаго здѣсь вторично. Штурмъ, какъ извѣстно, былъ неудаченъ и войска снова обратились къ осадѣ, длившейся цѣлый мѣсяцъ. 17-го августа произведенъ былъ вторичный приступъ; но въ разгарѣ его, когда апшеронцы подходили уже подъ стѣны Новаго замка, Шамиль выкинулъ бѣлый флагъ и вступилъ въ переговоры. Результаты ихъ извѣстны: Шамиль вы-

далъ въ аманаты старшаго сына, а самъ въ ночь на 22-е августа бѣжалъ—и приступъ возобновился. Двѣ роты апшеронцевъ съ маіоромъ Вагнеромъ врываются въ Новое Ахульго; третій баталіонъ, имѣя во главѣ маіора Тарасевича, беретъ старый замокъ—и сопротивленіе падаетъ. Неприступный Ахульго былъ взятъ; но затѣмъ начинается уже непрерывный семидневный бой въ пещерахъ и подземныхъ сакляхъ, куда укрылись остатки мюридовъ. Кровавый бой этотъ, когда женщины бросались на солдатъ съ кинжалами, матери убивали дѣтей или кидались съ ними въ пропасть, не желая сдаваться,—выпалъ на долю третьяго баталіона Апшеронскаго полка. Здѣсь-же палъ и храбрый маіоръ Тарасевичъ, убитый предательски въ то время, когда довѣрчиво подошелъ къ мюриду, просившему пощады.

Это была послѣдняя тяжелая жертва восьмидесяти-дневной ахульгинской осады.

Въ честь взятія Ахульго установлена была для войскъ особая серебряная медаль на георгіевской лентѣ, а первымъ четыремъ баталіонамъ Апшеронскаго полка пожалованы знамена съ надписями: «За взятіе Ахульго 22 августа 1839 года.»

Не долго отдыхали апшеронцы послѣ кроваваго Ахульго, —слѣдующій годъ потребовалъ отъ нихъ новыхъ усилій и новыхъ жертвъ. Это былъ годъ отложенія отъ насъ Чечни, и туда двинуты были два апшеронскіе баталіона. Длинный рядъ безпрерывныхъ походовъ и жаркихъ дѣлъ выпалъ на долю этихъ баталіоновъ, но дѣла ихъ затмѣваются и получаютъ характеръ ничтожныхъ стычекъ по сравненію съ двумя подвигами апшеронцевъ же въ Дагестанѣ. Это было извѣстное ишкартинское дѣло и штурмъ Гимръ. Одновременно съ воз-

станіемъ Чечни, Шамиль съ огромными силами занялъ въ іюнѣ мѣсяцѣ Карапайскія высоты, угрожая всему приморскому Дагестану. По первому извѣстію, Клугенау схватилъ изъ изъ Шуры четыре роты Апшеронскаго полка и бросился съ ними подъ Ишкарты. Здѣсь онъ былъ окруженъ десяти-тысячнымъ скопищемъ, и во все время отчаянной битвы не выпускалъ изо рта сигары, «видя,—какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ донесеніи:—мужество, одушевлявшее его храбрыхъ дѣтей.» Ледяное спокойствіе Клугенау передавалось людямъ, и крошечный отрядъ не только выдержалъ напоръ непріятеля, но самъ перешелъ въ наступленіе—и Ишкарты взяты были штурмомъ. При этой отважной атакѣ командиръ баталіона маіоръ Бельгардтъ получилъ двѣ шашечные раны въ голову; одинъ изъ ротныхъ командировъ, поручикъ Синановъ, былъ смертельно пораженъ кинжаломъ, у другого, поручика Вальгрена, раздроблена рука,—но цѣною этихъ жертвъ куплена была ишкартинская побѣда, разомъ пресѣкшая готовое разлиться по всему Дагестану возстаніе.

Въ сентябрѣ Шамиль сдѣлалъ вторую попытку,—и Клугенау вторично успѣлъ предупредить его въ Гимрахъ. Въ этой экспедиціи участвовали два баталіона апшеронцевъ, и одному изъ нихъ пришлось спускаться на веревкахъ въ глубокую пропасть и подниматься изъ нее въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ непріятельскихъ заваловъ. Но Гимры были взяты,—и Дагестанъ во второй разъ спасенъ апшеронцами.

Въ слѣдующемъ году театромъ военныхъ дѣйствій преимущественно становится Аварія, и мюридизмъ пріобрѣтаетъ себѣ новаго, опаснаго для насъ, приверженца въ лицѣ Хаджи-Мурата. Два баталіона апшеронцевъ атакуютъ его въ Цельмесѣ. Бой длится цѣлый день и кончается отступленіемъ русскихъ.

Съ этой минуты успѣхъ борьбы склоняется на сторону горцевъ: они занимаютъ Унцукуль, Бѣлоканы, Моксохъ и ставятъ маленькіе гарнизоны укрѣпленій въ крайне отчаянное положеніе. Но въ это время является человѣкъ, рѣшимость и энергія котораго выводятъ насъ изъ страшнаго кризиса. Это былъ Апшеронскаго полка маіоръ Познанскій, который въ ночь на 19-е ноября съ однимъ баталіономъ беретъ Моксохъ и громитъ сильное скопище горцевъ. Предпріятіе, задуманное и принятое имъ на личную отвѣтственность, было крайне рисковано, могло даже стать гибельнымъ,—но Познанскій вышелъ изъ него героемъ и однимъ взмахомъ возстановилъ прерванное сообщеніе съ Темиръ-Ханъ-Шурою. Почти въ то же время, 23-го ноября, двѣ роты апшеронцевъ, подъ командою капитана Лункевича, отстояли Гоцатль отъ пяти тысячъ мюридовъ. Лункевичъ былъ убитъ, но апшеронцы отразили нѣсколько ожесточенныхъ приступовъ и заставили скопище отступить съ потерею. Эти два блистательныя дѣла помогли намъ удержать за собою Аварію. Но черныя тучи уже собираются надъ головою апшеронцевъ. 3-го декабря, высланная изъ Бѣлокань команда изъ 80-ти нижнихъ чиновъ съ подпоручикомъ Ошмянскимъ была внезапно атакована горцами. Ошмянскій—убитъ, команда лишилась 54-рехъ человѣка, и остатки ея были уже выручены подоспѣвшимъ на помощь подпоручикомъ Левицкимъ. Въ 1842 году Апшеронскій полкъ попрежнему ведетъ борьбу за Аварію. Къ этому времени относится чрезвычайно смѣлый подвигъ койсубулинскаго пристава маіора Евдокимова (впослѣдствіи графа), который съ двумя апшеронскими ротами задумалъ овладѣть Унцукулемъ—главнымъ гнѣздомъ, откуда угрожала нашимъ аварскимъ войскамъ вѣчная опас-

ность. Овладѣть Унцукулемъ, сильно укрѣпленнымъ и занятымъ горцами, можно было неиначе, какъ при содѣйствіи жителей, и то небольшимъ отрядомъ, который могъ бы незамѣтно пробраться ночью въ унцукульскіе сады. Въ случаѣ измѣны жителей или неудачи ихъ, отряду, разумѣется, грозила полная гибель. Вотъ почему Евдокимовъ, сознавая всю рискованность подобнаго предпріятія, обратился къ апшеронцамъ, приглашая слѣдовать за собою только тѣхъ, кто чувствуетъ въ себѣ достаточно духа и силы для совершенія этого подвига. Апшеронцы отвѣчали, что они не привыкли оставлять товарищей и идутъ всѣ. Унцукуль былъ взятъ, но, къ общему сожалѣнію, самъ Евдокимовъ заплатилъ за это тяжелою раною: онъ былъ проколотъ насквозь кинжаломъ одного фанатика. Затѣмъ наступаетъ грозный 43-й годъ, памятный катастрофами, которыя одна за другою разражаются надъ апшеронцами.

Въ этомъ году, въ исходѣ августа мѣсяца, Шамиль обложилъ Унцукульскій фортъ. Подполковникъ Мингрельскаго полка Веселитскій со сводньмъ баталіономъ, въ составѣ котораго находились 3-я и 4-я гренадерскія роты апшеронцевъ, бросился на помощь къ атакованнымъ, но былъ окруженъ въ тѣснинахъ, и 29-го августа отрядъ его былъ истребленъ такъ, что изъ двухъ апшеронскихъ ротъ спаслось только два человѣка—все остальное было изрублено. Затѣмъ Унцукульскій фортъ палъ; Харачи, оставленные нашими войсками, также были заняты непріятелемъ. Но владѣніе этимъ пунктомъ признавалось настолько важнымъ, что для возвращенія его тотчасъ назначенъ былъ сводный баталіонъ Апшеронскаго полка изъ 1-ой, 2-ой и 5-ой гренадерскихъ ротъ, подъ командою маіора Зайцева. 1-го сентября произошолъ извѣст-

ный харачинскій бой, храбрый Зайцевъ, уже ворвавшійся въ селеніе, былъ убитъ, смѣнившій его капитанъ Бѣлоусовъ также, 13 офицеровъ и почти двѣ трети нижнихъ чиновъ выбыли изъ фронта, и ничтожные остатки отряда отошли къ Хунзаху.

Тогда Шамиль устремился на наши небольшія укрѣпленія. Первыми пали Бѣлоканы, занятые 5-й мушкатерскою ротою поручика Доманскаго, а за ними погибъ и Цатаних, защищаемый 11 ротою капитана Дементьева. Изъ двухъ ротъ этихъ не спасся никто. Но лучшимъ свидѣтельствомъ геройской защиты Цатаниха служитъ то, что Шамиль, въ порывѣ мщенія за понесенныя потери, приказалъ сжечь тѣла мертвыхъ героевъ. Хунзахъ былъ обложенъ, и только подоспѣвшій на помощь отрядъ князя Аргутинскаго позволилъ наконецъ Клугенау отступить въ Шуру, гдѣ сосредоточились и три баталіона апшеронцевъ—остатки славнаго полка, восемь ротъ котораго погибли въ Аваріи.

Но испытанія наши этимъ еще не окончились. 8-го ноября палъ Гергебиль, а 11-го Шамиль, спустившійся на плоскость, обложилъ Шуру, и апшеронцамъ пришлось испытать всѣ бѣдствія пятинедѣльной, суровой и самой строгой блокады. Со дня на день ожидая приступа, офицеры проводили почи на батареяхъ и на земляныхъ валахъ, а утромъ занимали наблюдательные посты на плоскихъ крышахъ шуринскихъ домиковъ. Несмотря на крайность положенія, всѣ бодро переносили лишенія, хотя приходилось питаться кониной, а сухари считались за лакомство и ихъ выдавали только по полуфунта на человѣка въ сутки. А между тѣмъ, какъ число защитниковъ съ каждымъ днемъ умепьшалось, къ Шамилю прибывали все новыя и новыя силы. Шура ви-

димо доживала свои послѣдніе дни. Рѣшено было ее покинуть. Генералы Гурко и Клугенау, вмѣстѣ съ командиромъ полка, полковникомъ Майбородою, положили на военномъ совѣтѣ выступить изъ нея ночью 13-го декабря нѣсколькими карелми и, заключивъ въ середину ихъ всѣхъ женщинъ и дѣтей, штыками пробиваться сквозь главныя силы Шамиля на Казіюрть. И вотъ, наступило это роковое число. Всѣ были въ мрачномъ настроеніи духа, всѣмъ было жаль Шуры, съ которою свыклись и которую покидали на разграбленіе алчныхъ враговъ. Къ этому невольно примѣшивалось у многихъ опасенія за свои семейства, неминуемо подвергавшіяся всѣмъ ужасамъ и случайностямъ битвы. Начинало темнѣть. До выступленія оставалось уже нѣсколько часовъ, какъ вдругъ прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что Фрейтагъ идетъ въ Шуру. Быстро разнеслась и подтвердилась эта радостная вѣсть,—и широко распахнулись Евгеніевскія ворота, принимая въ себя своихъ избавителей.

По освобожденіи Шуры, апшеронцы участвовали въ пораженіи Шамиля при Кафыръ-Кумыкѣ и Казанищахъ, потомъ въ движеніи къ Зырянамъ на выручку Пассека, и, наконецъ, на обратномъ пути въ жаркомъ бою въ Ирганайскомъ ущельѣ. Этотъ послѣдній бой связалъ съ Апшеронскимъ полкомъ славное имя Слѣпцова, который, будучи тогда еще капитаномъ, получилъ приказаніе очистить лѣвый гребень высотъ, и въ этомъ дѣлѣ командовалъ апшеронскимъ баталіономъ.

Это былъ первый подвигъ Слѣпцова—свѣтлый восходъ того лучезарнаго солнца, которое озарило, впослѣдствіи, Сунженскую линію.

Минулъ наконецъ роковой 43-й годъ; наступилъ новый—и первый день его ознаменовался для Апшеронскаго полка

назначеніемъ новаго полкового командира. Это былъ Діомидъ Васильевичъ Пассекъ, получившій за оборону Зырянъ георгіевскій крестъ и разомъ два чина: полковника и генералъ-маіора.

Командованіе Пассека памятно прежде всего блистательнымъ дѣломъ подъ Кака-Шурою, гдѣ 3 іюня 1844 года одинъ баталіонъ апшеронцевъ и казачій полкъ наголову разбиваютъ 30-ти тысячное скопище мюридовъ. Это было одно изъ самыхъ славнѣйшихъ дѣлъ, какія когда либо бывали на Кавказѣ: оно изгладило событія 43 года и окончательно упрочило славу и Пассека и Апшеронскаго полка.

А были въ этомъ бою грозныя, страшно-томительныя минуты, когда четыре слабыя апшеронскія роты стояли окруженныя въ тридцать разъ сильнѣйшимъ непріятелемъ,—и непріятелемъ, еще помнившимъ свои недавнія успѣхи. Кровавыя тѣни Веселитскаго, Зайцева, Дементьева, витали передъ глазами апшеронцевъ; но баталіонъ стоялъ, какъ прикованый къ мѣсту, одушевляемый примѣромъ храбраго своего командира, капитана Врапкена, не хотѣвшаго оставить фронтъ даже послѣ трехъ сильныхъ ранъ,—и только четвертая выпесла его наконецъ изъ строя; вслѣдъ за нимъ былъ тяжко раненъ и командиръ 1-й роты, капитанъ Павловъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ, выдающихся офицеровъ полка, и команду принялъ штабсъ-капитанъ Дубинъ. Всѣ сознавали, что надо умереть и желали только умереть съ честью. Но Пассекъ, бодрый и веселый, не слѣзая съ коня, объѣзжалъ свои маленькія роты и не терялъ надежды еще разбить непріятеля. И вотъ, выждавъ минуту, когда стали подходить три роты Житомірскаго полка, онъ приказалъ ударить картечью въ толпы непріятеля, и затѣмъ, не давая опомниться, выхватилъ шашку, и съ крикомъ: «ребята! кто апшеронецъ за мной!» бросился на не-

пріятеля. Произошла ужасная свалка. Пассекъ своею рукою изрубилъ двухъ мюридовъ, апшеронцы не хотѣли выдать своего начальника—и 30 тысячь горцевъ бѣжали передъ четырьмя апшеронскими ротами. Конь Пассека хромалъ отъ ранъ, шапка была покрыта кровью, но лицо сіяло радостью. Подъѣхавъ къ лежавшему почти безъ чувствъ капитану Вранкену и почитая его при послѣднемъ издыханіи, Пассекъ сказалъ ему: «радуйся другъ мой! мы отомстили смерть твою: знамя даргинскаго народа, 20 значковъ и нѣсколько сотъ тѣлъ послужатъ тебѣ надгробнымъ памятникомъ.

Изъ этихъ значковъ, отбитыхъ подъ Кака-Шурою, семь были подарены Пассекомъ храбрымъ апшеронскимъ ротамъ, и съ этими значками, какъ разсказываютъ старожилы полка, роты, даже въ послѣдніе годы военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, постоянно ходили въ походы.

Еще готовясь къ Кака-шуринскому бою, Пассекъ отдалъ приказъ по полку, практическая сторона котораго можетъ быть поставлена только въ уровень съ его поэтическими достоинствами. Вотъ этотъ знаменитый приказъ:

«Товарищи! Пора собираться въ походъ.

«Осмотрите замки, отточите штыки,—поучитесь колоть паповаль.

«Наблюдайте всегда и вездѣ тишину; наблюдайте порядокъ и строй. Въ дѣло дружно итти, въ дѣтѣ меньше стрѣлять—пусть стрѣляютъ стрѣлки, а колонны идутъ и молчатъ. По стрѣльбѣ отличу, кто сробѣлъ и кто нѣтъ; робкимъ стыдъ, храбрымъ слава и честь.

«Безъ стрѣльбы грозенъ строй. Пусть стрѣляютъ враги; подойдите въ упоръ, а тогда ужъ ура! а съ «ура»—на штыки: и колите, губите враговъ. Что возьмете штыкомъ, то вамъ

Царь на разживу дастъ.

«Грозны будете вы, страшны будете вы татарвѣ, нечестивымъ врагамъ. Осѣнитесь крестомъ, помолитесь Христу—и готовьтесь на славу, на бой.»

Таковъ приказъ, долженствующій переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію въ храбромъ Апшеронскомъ полку. И побѣда будетъ прикована къ знаменамъ его, какъ была прикована въ день славной кака-шуринской битвы, если полкъ свято исполнитъ завѣтъ любимаго начальника.

Блистательнымъ кака-шуринскимъ дѣломъ еще не закончилась боевая дѣятельность апшеронцевъ въ 1844 году, и баталіоны ихъ являются то въ Акушѣ и у Карадагскаго моста съ генераломъ Лидерсомъ, то въ Салатавіи—съ Пассекомъ.

Даргинская экспедиція 1845 года настолько извѣстна, что говорить о ней не будемъ; довольно сказать, что третьему баталіону Апшеронскаго полка принадлежитъ выдающаяся роль въ кровавые дни отступленія отъ Дарго къ Гергебильду, и что въ бою 17-го іюля, на другой день по взятіи Дарго, погибъ храбрѣйшій командиръ баталіона подполковникъ Познанскій, высокія военныя качества котораго проявились именно въ тяжелые дни борьбы за Аварію. Нельзя не остановить вниманія также и на слѣдующемъ эпизодѣ, характеризующемъ отношенія апшеронцевъ къ бывшему своему командиру—Пассеку. Пассекъ командовалъ полкомъ недолго, всего нѣсколько мѣсяцевъ, но оставилъ послѣ себя самую задушевную память. Прощаясь съ нимъ, шуринскія дамы передали ему собственной работы великолѣпный бѣлый значокъ,—и подъ этимъ значкомъ, менѣе чѣмъ черезъ годъ, ему пришлось сложить свою талантливую голову. Когда вой-

ска вернулись изъ сухарной экспедиціи, и апшеронцы, узнали что Пассекъ убитъ и тѣло его потеряно, тотчасъ послали къ графу Воронцову депутацію просить, чтобы ихъ баталіону позволено было итти и выручить тѣло. Воронцовъ благодарилъ апшеронцевъ, но, щадя жизнь людей, отклонилъ ихъ намѣреніе. Тогда десять апшеронскихъ солдатъ почью отправились на розыски сами, а къ утру изъ нихъ вернулись двое—и тѣ жестоко израненные; они сообщили, что остальные восемь погибли жертвой своей преданности къ любимому начальнику.

Неудача даргинской экспедиціи дала Шамилю мысль воскресить въ Дагестанѣ событія 43-го года и начать ихъ отторженіемъ отъ насъ Даргинскаго округа. Въ октябрѣ мѣсяцѣ огромныя силы его занимаютъ Кутиши. Волненіе распространяется на сосѣднія владѣнія. Но войска быстро идутъ изъ Темиръ-Хань-Шуры и честь первой встрѣчи съ непріятелемъ принадлежитъ апшеронцамъ. 3-й баталіонъ, подъ командою маіора Берхмана, штурмуетъ Аймяки, и погромъ этого сильнаго аула производитъ такое потрясающее впечатлѣніе на край, что горцы, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившіе за тѣмъ, чѣмъ кончится бой, мало-по-малу отстаютъ отъ Шамиля. 15-го октября въ знаменитомъ кутишинскомъ дѣлѣ Берхманъ ведетъ свой баталіонъ во главѣ штурмующихъ войскъ, врывается въ Кутиши—и погромъ Шамиля водворяетъ спокойствіе въ Сѣверномъ Дагестанѣ.

1847 году два баталіона апшеронцевъ участвуютъ въ осадѣ Гергебиля, и одинъ изъ нихъ, первый, назначается 4-го іюня въ составъ штурмовой колонны. На штурмъ идутъ два баталіона рядомъ: одинъ ширванскій, другой апшеронскій; передъ первымъ—подполковникъ Бибиловъ, передъ вто-

рымъ—маіоръ Евдокимовъ. Это были два друга, оба украшенные георгіевскими крестами, оба извѣстные на Кавказѣ беззавѣтною храбростію. Думая только о славѣ, они кричали другъ другу: «хлѣбъ-соль вмѣстѣ, а пушечки врозь!» Баталіоны шли съ такою отвагою, съ такою стремительностью, что князь Воронцовъ имъ аплодировалъ. Подъ бѣшенымъ огнемъ непріятеля колонны достигли гергебильскихъ стѣнъ—и скрылись въ дыму. Первымъ вскочилъ на брешь Евдокимовъ—и палъ, пораженный нѣсколькими пулями. Командиръ гренадерской роты, капитанъ Винниковъ, перешагнулъ черезъ трупъ его, и въ ту же секунду упалъ тяжело раненый; на мѣсто его явился капитанъ Щодро—и испыталъ ту же участь. Но брешь была уже въ нашихъ рукахъ. Апшеронцы стали спрыгивать на плоскія крыши саклей: но тутъ подъ ногами солдатъ очутился цѣлый рядъ капкановъ: горцы сняли крыши и затянули ихъ легкимъ хворостомъ, не выдерживавшимъ тяжести даже одного человѣка: солдаты проваливались внизъ и гибли на кинжалахъ горцевъ, встрѣчавшихъ ихъ дикимъ хохотомъ. Два раза бросались апшеронцы на приступъ, и два раза испытывали одну и ту же участь. Къ ночи клочки штурмовой колонны вышли изъ аула, но изъ перваго баталіона апшеронцевъ уже не видно было почти ни одного солдата,—только кое гдѣ мелькалъ мундиръ этого геройскаго и славнаго полка. Сколько именно тѣлъ оставлено было въ ауле и внутри роковыхъ сакель—неизвѣстно, но изъ 13-ти офицеровъ ни одинъ не вернулся цѣлымъ. Очевидцы разсказываютъ, что изъ перваго баталіона осталось только 10-ть человѣкъ съ фельдфебелемъ Смышляковымъ, котораго Воронцовъ тутъ-же произвелъ въ офицеры.

Замѣчательно, что при этомъ погромѣ тѣло храбраго Евдокимова было вынесено изъ боя солдатами, и теперь оно покоится въ Шурѣ на общемъ апшеронскомъ кладбищѣ; старая гробница его обросла уже мхомъ, но сохранилась настолько, что еще можно прочитать полустертую временемъ надпись.

Осада Гергебиля была снята; апшеронскіе баталіоны назначены были на постройку Хаджалъ-Махинскаго укрѣпленія, и только двумъ ротамъ изъ нихъ пришлось принять участіе въ осадѣ Салтовъ,—въ послѣднемъ актѣ кровавой драмы, когда салтинскій гарнизонъ бѣжалъ изъ крѣпости.

Въ слѣдующіе два года апшеронскіе баталіоны участвуютъ во взятіи Гергебиля, въ движеніи князя Аргутинскаго на выручку Ахтовъ и, наконецъ, при осадѣ Чоха; но крупныя дѣла выпадаютъ только на долю 2-го баталіона, маіора Берхмана: въ 1848 году при занятіи имъ гергебильскихъ садовъ, и затѣмъ при отступленіи отъ Гергебиля, когда одна изъ ротъ, направленная Берхманомъ, смѣлымъ ударомъ въ штыки отбрасываетъ значительное скопище горцевъ; въ 1849 году, подъ Чохомъ, при овладѣніи завалами 18-го іюля. Берхманъ, не отвѣчая ни единымъ выстрѣломъ на страшный огонь непріятеля, кидается съ своимъ баталіономъ въ штыки и беретъ на завалѣ наибскій значокъ.

Но 49-й годъ памятенъ Апшеронскому полку и не одною осадою Чоха. Въ то время, когда войска только еще готовились къ походу, случилось происшествіе, которое могло имѣть для апшеронцевъ самыя прискорбныя и ничѣмъ не поправимыя послѣдствія. Нужно сказать, что это было время наибольшей славы Гаджи-Мурата: похищеніе имъ михтулинской ханши изъ Дженгутая, нападенія на Дунгали и Каза-

ница составляли предметъ общихъ разговоровъ; но вѣнцомъ его извѣстности является въ высшей степени дерзкій и безпримѣрный набѣгъ на самую Шуру, гдѣ были валы, уставленныя пушками, гдѣ жилъ гроза Дагестана самъ Аргутинскій и стояло нѣсколько тысячь войска. Это случилось 14-го апрѣля. Апшеронцы не стояли врасплохъ: часовые были на своихъ мѣстахъ, охотники—въ полѣ, и все таки Гаджи-Муратъ явился подъ самою Шурою. Съ нимъ было до 500 всадниковъ; 200 остались на коняхъ, 300 спѣшились и поползли такъ тихо, какъ умѣютъ ползти одни только горцы—ни звука, ни шелеста; апшеронскіе охотники однако не прозѣвали и дали выстрѣлъ. Тогда горцы, гикнувъ и сваливъ дружнымъ залпомъ четырехъ апшеронцевъ, разомъ вскочили на брустверъ, свалили плетневую огорожу и кинулись въ укрѣпленіе. Тутъ только они замѣтили, что кафыръ-кумыкскіе проводники ихъ, пользуясь минутной суматохой, скрылись—и горцы очутились въ Шурѣ, какъ въ лѣсу. Броситься и однимъ ударомъ разбить армянскія лавки и захватить съ налета два-три дома главныхъ начальниковъ уже было нельзя. Время надо было считать секундами, потому что выстрѣлы подняли тревогу въ шурпнскомъ гарнизонѣ. И вотъ, первое, что попалось на глаза Гаджи-Мурата—это было большое освѣщенное зданіе, которое онъ принялъ за домъ полкового командира, князя Орбеліани,—и, къ счастію, ошибся. Это былъ госпиталь. Больные въ страшномъ переполохѣ кинулись спасаться, кто куда могъ; горцы въ первый моментъ сами остановились въ совершенномъ изумленіи; но затѣмъ, порубивъ нѣсколькихъ больныхъ, они быстро расхватали оловянную посуду, приняв ее впопыхахъ за серебряную, и тѣмъ-же путемъ, какъ пришли, исчезли. Сбѣжавшіеся на тревогу ба-

таліоны захватили только хвостъ мюридовъ. Суматошная ночь эта стоила апшеронцамъ 14-ть человѣкъ убитыми и ранеными; но нельзя не сознаться, что Шура отдѣлалась дешево. Надо сказать, что Гаджи-Муратъ не совсѣмъ ошибся въ направленіи своего удара; домъ полкового командира стоялъ какъ-разъ напротивъ самаго госпиталя, и свѣтись въ немъ какая нибудь лампадка, которая привлекла бы вниманіе горцевъ, или не измѣни имъ кафыръ-кумыкскіе проводники, дѣло могло принять иной оборотъ. Ворваться въ домъ полкового командира, какъ они ворвались въ госпиталь, убить ненавистнаго имъ Орбеліани и захватить полковыя знамена былобы дѣломъ мгновенія, и горцы могли ускакать съ ними прежде, чѣмъ подбѣжали-бы баталіоны. Происшествіе это надѣлало большой шумъ, вызвало даже неудовольствіе Государя, и при всемъ томъ случай этотъ является однимъ изъ тѣхъ, которые въ кавказской войнѣ были неизбѣжны. Князь Аргутинскій въ своихъ объясненіяхъ ссылался, между прочимъ, на то, что шуринскіе верки, возведенные когда-то полковыми средствами, безъ всякихъ фортификаціонныхъ правилъ, отъ времени сильно обветшали, а для ремонта ихъ не доставало рабочихъ рукъ: апшеронцы, проводя въ экспедиціяхъ едва не круглый годъ, являлись къ себѣ домой, точно въ гости, и не всегда имѣли время устроиться даже для будущихъ походовъ.

Съ 1849 по 1857 годъ, т. е. со времени осады Чоха и до начала покоренія Восточнаго Кавказа, военныя дѣйствія въ Дагестанѣ принимаютъ характеръ чисто оборонительный; главная цѣль наша заключается въ томъ, чтобы удержать въ полномъ повиновеніи покорную часть страны и не давать непріятелю возможности проникать въ наши владѣнія ни для

хищничествъ, ни для возмущенія жителей. Зимы войска проводили обыкновенно въ передовыхъ укрѣпленіяхъ или аулахъ, лѣтомъ собирались на Кутишинскихъ или на Гамашинскихъ высотахъ и, наконецъ, на Турчидагѣ, гдѣ оставались уже до осени. Отъ этихъ трехъ центральныхъ пунктовъ, прикрывавшихъ собою весь край до береговъ Каспійскаго моря, войска удобно могли поспѣвать вездѣ, гдѣ только могъ угрожать непріятель. Дагестанъ и въ этотъ періодъ не теряетъ своего обычнаго характера вѣчныхъ тревогъ, поднимавшихъ на ноги войска чуть не ежедневно; но стычки эти были мелкія, и крупныхъ дѣлъ почти уже не встрѣчается. Исключеніе изъ этого, собственно для апшеронцевъ, представляетъ только лѣто 1851 года. 11-го іюля, въ то время, какъ князь Аргутинскій съ большею частію отряда направился въ Кайтагъ, гдѣ появился Гаджи-Муратъ, Шамиль со всѣми силами бросился на гамашинскій лагерь, гдѣ были оставлены два баталіона Апшеронскаго полка при четырехъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генерала Граматина. Два баталіона вступили въ бой съ 15-ью тысячами горцевъ, отразили всѣ нападенія, а когда на помощь къ нимъ подоспѣлъ еще баталіонъ самурцевъ —обратили Шамиля въ совершенное бѣгство.

Однако и изъ мелкихъ стычекъ много было такихъ, которыя достойно украсятъ собою страницы апшеронской исторіи. Таково движеніе 2-го баталіона, подъ командою подполковника Берхмана, сдѣлавшаго тридцати верстный переходъ бѣгомъ, чтобы поспѣть на помощь къ драгунамъ, настигшимъ Гаджи-Мурата въ Озеньскихъ лѣсахъ 8 апрѣля 1851 года; таково молодецкое дѣло апшеронскихъ охотниковъ, подъ командою подпоручика Скворцова 27-го сентября 1856 года на Міатлинской переправѣ и множество другихъ, выказавшихъ въ пол-

ной мѣрѣ выносливость, удаль и молодечество апшеронцевъ.

Въ 1857 году, Апшеронскій полкъ участвуетъ въ салатавскомъ походѣ, положившемъ начало покоренію Восточнаго Кавказа. Здѣсь, 24 іюня, въ бою при Джансой-Голъ, апшеронцы на-глазахъ князя Орбеліани, командовавшаго въ то время войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, овладѣваютъ крѣпкими завалами, и уничтожаютъ защитниковъ ихъ почти до послѣдняго человѣка. 31 октября, при движеніи къ Дылыму, два баталіона апшеронцевъ, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, взбираются на вершину отвѣстной горы—и сильный редутъ, заграждавшій путь нашимъ войскамъ, падаетъ подъ ихъ штыками.

Эти два молодецкія дѣла обратили на себя особое милостивое вниманіе Государя и Апшеронскому полку пожалованы были знаки на головные уборы съ надписью: «За отличіе на Кавказѣ въ 1857 году.»

Слѣдующій годъ апшеронцы проводятъ въ различныхъ дагестанскихъ отрядахъ, имѣвшихъ чисто демонстративную цѣль: не допускать горцевъ на помощь къ Чечнѣ; ту же самую цѣль преслѣдовали войска и зимою въ началѣ 1859 года въ Ичкеріи, а затѣмъ дѣйствія апшеронцевъ на Восточномъ Кавказѣ заканчиваются Гунибомъ. Честь штурма его принадлежитъ 1-му и 4-му баталіонамъ, блокировавшимъ Гунибъ съ южной стороны, въ колоннѣ полковника Тергукасова. Въ ночь на 25 августа сто-тридцать охотниковъ, вызванныхъ изъ Апшеронскаго полка, подъ командою капитана Скворцова, пользуясь густымъ туманомъ, взбираются на вершину Гуниба и сторожевой непріятельскій караулъ, захваченный въ завалахъ, ложится подъ ихъ штыками. За охотниками быстро поднялся 1-й баталіонъ подполковника Егорова, за нимъ двѣ роты 4-го

баталіона,—и всѣ эти части неудержимою волною ринулись на аулъ, служившій послѣднимъ оплотомъ мюридовъ. Но здѣсь войска были остановлены; аулъ обложили со всѣхъ сторонъ, и начался послѣдній актъ тридцати-лѣтней кровавой драмы—сдача Шамиля.

Въ память доблестныхъ подвиговъ Апшеронскаго полка 1-му и 4-му баталіонамъ его пожалованы георгіевскія знамена съ надписью: «За взятіе Восточнаго Кавказа въ 1859 году.»

Затѣмъ стрѣлковый баталіонъ полка участвуетъ въ военныхъ дѣйствіяхъ на правомъ флангѣ при покореніи Западнаго Кавказа, и всѣ четыре роты его возвращаются назадъ съ георгіевскими серебряными рожками.

Боевая дѣятельность апшеронцевъ, собственно въ кавказской войнѣ, заканчивается усмиреніемъ возстанія 1877 года,—и памятникомъ этихъ событій служатъ въ 1-мъ баталіонѣ георгіевскія серебряныя трубы, въ 3-мъ георгіевское знамя и въ 4-мъ знаки отличія на головныхъ уборахъ съ надписью: «За подавленіе возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ въ 1877 году.» Такіе же знаки на головные уборы пожалованы были во 2-мъ баталіонѣ 5-ой, 6-ой и 7-ой ротамъ съ надписью: «За подавленіе возстанія въ Дагестанѣ.»

Въ промежутокъ этого времени, между 1859 и 1877 годами, въ Апшеронскомъ полку происходятъ слѣдующія перемѣны:

1) Полкъ перемѣняетъ свою штабъ-квартиру и занимаетъ Ишкарты, оставленные Дагестанскимъ полкомъ, переведеннымъ въ Буртунай. Здѣсь апшеронцы простояли до осени 1882 года, когда снова были переведены въ Темиръ-Ханъ-Шуру, которую занимаютъ и понынѣ.

2) Высочайшимъ приказомъ 11 августа 1863 года полкъ

наименовывается полкомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михаиловича.

3) 6-го ноября того-же года одинъ баталіонъ апшеронцевъ отдѣляется на сформированіе новаго Черноморскаго пѣхотнаго полка, и полкъ приводится изъ пяти въ четырехъ баталіонный составъ, и

4) Приказомъ 25 марта 1864 года, Апшеронскому Его Высочества Георгія Михаиловича полку присвоивается № 81-й.

Возвращаясь къ боевой хроникѣ полка слѣдуетъ сказать, что война въ Дагестанѣ, гдѣ апшеронцы выказали свои изумительныя качества взобраться на всякую кручу, пройти по всякой тропѣ, надъ какою бы бездной она не висѣла, и выбить всякаго, засѣвшаго въ скалахъ и утесахъ, горца—смѣнилась иною войною въ широко раскинувшихся песчаныхъ, знойныхъ степяхъ Средней Азіи. Апшеронцы одни изъ первыхъ занимаютъ восточный берегъ Каспійскаго моря, и съ 1869 года высылаютъ туда свои части, которыя въ безпрерывныхъ рекогносцировкахъ и походахъ получаютъ тотъ навыкъ, то знакомство съ условіями похода въ пустынѣ, которые такъ пригодились имъ потомъ въ Хивѣ и ахалъ-текинской экспедиціи.

Въ Хиву, въ 1873 году, въ составѣ мангишлакскаго отряда генерала Ломакина, назначаются 1-я, 3-я и 4-я стрѣлковыя, 9-я и 10-я линейныя роты. Этотъ отрядъ въ теченіи 25 дней сдѣлалъ 636 верстъ—быстрота замѣчательная! но сравнивать этотъ походъ съ другими замѣчательными маршами невозможно, такъ какъ обстановка, при которой совершался хивинскій походъ, единственная въ исторіи регулярныхъ армій. 28 мая Хива была взята—и всю тяжесть боя вынесли на себѣ 4-я стрѣлковая и 9-я линейная роты, которыя,

подъ командою маіора Буравевца, овладѣли двумя хивинскими орудіями. Потеря ихъ простиралась до 40 человѣкъ, и, къ общему сожалѣнію, въ числѣ тяжело раненыхъ находился храбрый маіоръ Буравцевъ.

За хивинскій походъ третьему баталіону, къ составу котораго принадлежали 3-я стрѣлковая и обѣ линейныя роты, пожаловано георгіевское знамя, а 1-й и 4-й стрѣлковымъ ротамъ—знаки на головные уборы съ надписями: «за отличіе въ хивинскомъ походѣ 1873 года.» Оба взятыя орудія также пожалованы были Апшеронскому полку и нынѣ, какъ памятникъ хивинскаго похода, украшаютъ собою входъ въ полковую казарму, служа для молодыхъ апшеронцевъ живымъ преданіемъ славныхъ дѣлъ ихъ славныхъ предмѣстниковъ.

Заключительнымъ дѣяніемъ въ длинномъ ряду боевыхъ походовъ Апшеронскаго полка стоитъ ахалъ-текинская экспедиція 1880—81 годовъ. Въ эту экспедицію полку пришлось пережить и страшныя минуты потери знамени и высокое чувство, рождаемое сознаніемъ святости исполненнаго долга и, наконецъ, стяжать себѣ новый лавровый вѣнокъ, въ кровавый день ахалъ-текинскаго штурма. Изъ всѣхъ битвъ, которыя выпали на долю апшеронцевъ, въ теченіи ихъ почти двухсотъ-лѣтней жизни, ни одна не оставила по себѣ такого глубокаго, такого сильнаго впечатлѣнія, какъ битва въ ночь съ 27-го на 28-е декабря 1880 года, подъ стѣнами текинской крѣпости. Въ эту роковую ночь въ передовыхъ траншеяхъ стоялъ 4-й баталіонъ Апшеронскаго полка. 14-я рота его занимала редутъ № 2-й, 15-я и 16-я—расположились въ только что заложенной второй параллели. Въ глухую ночь четыре тысячи текинцевъ, безъ выстрѣла, съ одни-

ми кинжалами подползли къ нашимъ осаднымъ работамъ— и вдругъ ринулись на редутъ и траншеи. Едва орудіе успѣло дать картечный выстрѣлъ, какъ уже начался рукопашный бой. Непріятель кинулся на знамя 4-го баталіона. Оборонял его, командиръ баталіона подполковникъ князь Магаловъ, командиръ 14-й роты подпоручикъ Чикаревъ, субалтернъ-офицеръ подпоручикъ Готто, знаменщикъ унтеръ-офицеръ Захаровъ и почти вся 14-я рота честно сложили свои головы,—и только черезъ трупы этихъ храбрецовъ непріятель добрался до знамени; его взялъ кипчакскій житель Бегенджъ; орудіе также было захвачено и увезено текинцами. 15-я и 16-я роты, атакованные одновременно, не могли подать помощь товарищамъ—и знамя стараго полка было потеряно.

Скорбные дни переживали апшеронцы, и утѣшеніемъ имъ служило лишь то, что потеря знамени сопряжена была съ геройскою гибелью 14-й роты, и что этотъ священный символъ чести полка перешолъ во вражескія руки только потому, что защищать его уже было некому.

Не долго оставалось однако-же апшеронское знамя въ рукахъ непріятеля. Черезъ пятнадцать дней, 12-го января 1881 года, русскія войска штурмуютъ текинскую твердыню. 3-й и 4-й баталіоны Апшеронскаго полка идутъ на артилерійскую брешь; оба баталіонные командиры ихъ: подполковникъ Поповъ и войсковой старшина графъ Орловъ-Давыдовъ падаютъ ранеными,—послѣдній—смертельно. Подпоручикъ Поповъ, также раненый, первый вскакиваетъ на брешь и увлекаетъ за собою нижнихъ чиновъ: апшеронцы врываются въ Геокъ-Тепе и страшнымъ истребленіемъ текинцевъ мстятъ за кровь своихъ падшихъ товарищей. Знамя Апше-

ропскаго полка, выставленное текинцами на сѣверной стѣнѣ, опять попадаетъ къ намъ въ руки: его взяли 2-я ширванская рота и часть 4-го баталіона апшеронцевъ. Но Скобелевъ не позволилъ однако-же выносить это знамя во фронтъ, пока Царское слово не возвратило его опять апшеронцамъ. За штурмъ Геокъ-Тепе обоимъ баталіонамъ пожалованы знаки на головные уборы «за отличіе.»

Этими Царскими милостями и заканчивается боевая хроника одного изъ старѣйшихъ полковъ русской арміи.

II

ДАГЕСТАНСКІЙ ПѢХОТНЫЙ ПОЛКЪ.

16-го декабря 1845 года послѣдовалъ Высочайшій приказъ о сформированіи для отдѣльнаго Кавказскаго корпуса новаго Дагестанскаго пѣхотнаго полка, который назначался въ составъ 21-й пѣхотной дивизіи.

На сформированіе его поступили изъ войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса вторые и третьи баталіоны Волынскаго и Минскаго пѣхотныхъ полковъ и весь Кавказскій № 11 линейный баталіонъ въ полномъ составѣ.

Вмѣстѣ съ этими частями перешли въ новый полкъ и заслуженные ими знаки военныхъ отличій. Такъ, 4-й баталіонъ дагестанцевъ получилъ, принадлежавшее Минскому полку, георгіевское знамя съ надписью: «За отличіе въ войнѣ съ Франціей 1814 года», и георгіевскія трубы—«За отличія при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году и въ сраженіяхъ при Брієнъ-ле-Шато и селеніи Ла-Ротіеръ.» Точно такія же трубы поступили во 2-й баталіонъ изъ полка Волынскаго.

Полковая штабъ-квартира дагестанцамъ назначена была въ Ишкартахъ, въ 14 верстахъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры по направленію къ Гимрамъ.

Еще полкъ не успѣлъ вполнѣ сформироваться, какъ уже былъ потребованъ въ дѣйствующій отрядъ и принялъ участіе въ знаменитомъ кутишинскомъ дѣлѣ 15 октября 1846 года. На штурмѣ этого селенія 3-й баталіонъ, предводимый маіо-

ромъ Соймоновымъ, отбилъ непріятельское орудіе,—и Соймоновъ получилъ георгіевскій крестъ. Такъ славно ознаменовалъ начало своего боевого служенія Дагестанскій полкъ на Кавказѣ.

Въ слѣдующемъ, 1847 году полкъ, подъ начальствомъ своего командира полковника Евдокимова, *) участвуетъ въ осадѣ Гергебиля, гдѣ дѣятельность его ограничивается, впрочемъ, только прикрытіемъ осадныхъ позицій и демонстраціями во время штурма 4 іюля.

Болѣе видную роль дагестанцамъ пришлось играть въ томъ же году при осадѣ Салтовъ. Едва войска размѣстились на позиціяхъ противъ этого селенія и начались подготовительныя работы по сооруженію осадныхъ батарей, какъ 28 іюля, въ полдень, горцы внезапно атаковали передовые посты,—и честь перваго боя выпала на долю 2-го баталіона Дагестанскаго полка. Командовавшій этимъ баталіономъ, адъютантъ главнокомандующаго ротмистръ Глѣбовъ, сомкнувъ стрѣлковую цѣпь, кинулся въ штыки и, прежде чѣмъ подоспѣли резервы, горцы были отброшены. Но въ числѣ немногихъ жертвъ, павшихъ въ этомъ славномъ бою, къ общему сожалѣнію, былъ храбрый Глѣбовъ, убитый въ моментъ рукопашной свалки.

Затѣмъ дагестанскіе баталіоны участвуютъ 9-го августа въ пораженіи вспомогательнаго отряда, высланнаго на помощь къ Салтамъ; а 9-го сентября 1-й баталіонъ назначается въ штурмовую колонну для овладѣнія южною стѣною аула. 1-я гренадерская рота, съ капитаномъ Котляревскимъ, моментально достигаетъ стѣны, овладѣваетъ башнею и затѣмъ оборонительною казармою; здѣсь на помощь къ ней подоспѣли еще

*) Впослѣдствіи графъ.

двѣ роты 1-го баталіона,—и казарма мигомъ приспособляется къ оборонѣ. Изъ трехъ ротъ выбыло въ этотъ день пять офицеровъ; но дагестанцы, работая подъ непрерывнымъ огнемъ непріятеля, по свидѣтельству князя Воронцова, превзошли себя въ неподражаемомъ мужествѣ и стойкости. То, что было занято ими, занято было уже прочно и, подъ ихъ прикрытіемъ, саперы быстро устроили здѣсь новыя батареи. Такъ начался и окончился первый день салтинскаго штурма. Батареи опять принялись громить ауль, и окончательный штурмъ его назначенъ былъ 14-го сентября.

Съ разсвѣтомъ этого дня, по условному сигналу, опять первый баталіонъ, подъ командою маіора Кунцевича, бросается въ ауль и ротные командиры: капитанъ Котляревскій и поручикъ Астафьевъ, увлекая за собою нижнихъ чиновъ, первыми перескакиваютъ черезъ высокія каменныя стѣны, которыми горцы загородили входъ, и врываются въ крайнія сакли. Кровавый бой начинается въ салтинскихъ улицахъ.

Въ это же самое время 2-й баталіонъ, маіора Велячко, врывается въ ауль нѣсколько лѣвѣе перваго и также встрѣчаетъ передъ собою еще болѣе высокія и грозныя каменныя стѣны, откуда его засыпаютъ пулями. Нѣсколько геройскихъ попытокъ итти напроломъ не имѣли успѣха, и дагестанцы, не имѣя возможности податься впередъ, не желая и отступить—залегаютъ подъ самою стѣной, устроивъ для себя наскоро кое-какія закрытія. Между тѣмъ наступила ночь; потери въ обоихъ баталіонахъ возросли до огромной цыфры,—и штурмъ остановился. Русскія войска ночевали на отбитыхъ позиціяхъ, готовясь съ разсвѣтомъ продолжать бой; но ночью горцы сами покинули Салты, и, дымившіяся кровью, развалины ихъ заняты были уже безъ боя.

Князь Воронцовъ засвидѣтельствовалъ передъ Государемъ о геройскомъ поведеніи въ бою 1-го и 2-го дагестанскихъ баталіоновъ,—и Государь пожаловалъ имъ надпись на знамена: «За взятіе Салты 9-го и 14-го сентября 1847 года».

Какъ 1-й и 2-й баталіоны Дагестанскаго полка отличились подъ Салтами, такъ 3-му и 4-му—выпала значительная роль, въ слѣдующемъ 1848 году, при вторичной осадѣ Гергебиля. Здѣсь, 15-го іюня, 4-й баталіонъ съ боя занялъ передовыя высоты, и, подъ его прикрытіемъ, началась знаменитая осада Гергебиля, окончившаяся паденіемъ этой твердыни, стоившей намъ въ предшествовавшіе годы много крови и жертвъ.

Въ то же время 3-му баталіону, маіора Соймонова, пришлось выдержать самый упорный бой за обладаніе гергебильскимъ оврагомъ, лежавшимъ передъ нашимъ лагеремъ. Здѣсь 3-й баталіонъ съ утра до поздняго вечера дружно помогалъ кабардинцамъ отстаивать позицію, и ему-же принадлежалъ послѣдній рѣшительный ударъ, заставившій, наконецъ, горцевъ укрыться въ свои укрѣпленія; въ этомъ горячемъ бою Соймоновъ былъ раненъ, а 3-я гренадерская рота, капитана Доброжанскаго, отбила два непріятельскіе значка.

Когда Гергебиль палъ и русскій отрядъ долженъ былъ вернуться на Турчидагъ, князь Аргутинскій приказалъ двумъ ротамъ Дагестанскаго полка, подъ командой подполковника Ассѣева, прикрывать отступленіе. Замѣтивъ передъ собою горсть дагестанцевъ, засѣвшихъ въ редутѣ, горцы массою атаковали ее; но едва поднялись на валъ—какъ Ассѣевъ поспѣшно отступилъ и минированный редутъ, вмѣстѣ съ сотнями горцевъ, взлетѣлъ на воздухъ. Пока непріятель опомнился, роты уже присоединились къ отряду.

Въ 1849 году, первые четыре баталіона Дагестанскаго полка, подъ начальствомъ своего командира полковника Броневскаго, принимаютъ участіе въ осадѣ Чоха; пятый баталіонъ, оставленный въ Ишкартахъ, стоитъ на стражѣ нашихъ границъ, и одна изъ его ротъ, именно 15-я, расположенная въ Эрпиляхъ, уничтожаетъ сильную партію, пытавшуюся ворваться въ шамхальскія владѣнія. Въ 1850 году, 18-го іюня, двѣ роты Дагестанскаго полка, расположенныя въ Оглахъ, подъ командою капитана Тихапова, также имѣютъ блистательное дѣло съ Гаджи-Муратомъ и заставляютъ его вернуться безъ добычи.

Изъ послѣдующихъ, болѣе крупныхъ событій нельзя не отмѣтить 1851 годъ, когда Дагестанскому полку пришлось принять славное участіе въ табасаранской экспедиціи князя Аргутинскаго-Долгорукова. Въ этомъ году, лѣтомъ, Гаджи-Мурать внезапно ворвался въ наши предѣлы, напалъ на аулъ Буйнаки, убилъ роднаго брата Шамхала-Тарковскаго, Шахъ-Вали, захватилъ въплѣнъ все его семейство, разграбилъ домъ и бросился въ Кайтагъ и Табасарань. Попытка поднять эти провинціи, какъ извѣстно, не увѣнчалась успѣхомъ. Гаджи-Мурать былъ разбитъ княземъ Аргутинскимъ, при чемъ 3-й баталіонъ, подполковника Соймонова, участвовалъ въ жаркихъ дѣлахъ 17-го, 21-го и 22-го іюня. Въ это-же самое время 1-й баталіонъ Дагестанскаго полка, подъ командою подполковника Козлянинова, экстренно вытребованный на усиленіе отряда, прибылъ въ Чирахъ, сдѣлавъ одинъ изъ тѣхъ изумительныхъ маршей, на которые были способны только старые кавказскіе солдаты. Этотъ баталіонъ прошелъ въ семь дней по кавказскимъ горамъ, во время страшной іюньской жары, болѣе 215 верстъ, оставя на пути только

трехъ заболѣвшихъ изъ 750 нижнихъ чиновъ. Суворовскій переходъ этимъ еще не окончился. Въ Чирахѣ получены были извѣстія, что Гаджи-Муратъ, разбитый Аргутинскимъ, бѣжитъ изъ Кайтага,—и 1-й баталіонъ преградилъ ему дорогу у Эмоха. Гаджи-Муратъ пошелъ напроломъ,—и потерпѣлъ рѣшительное пораженіе: самъ онъ былъ раненъ, партія его разсѣялась, и дагестанцы захватили 120-ть лошадей съ сѣдлами, множество оружія, всю добычу, награбленную въ Табасарани, освободили плѣнную жену убитаго Шахъ-Вали, похищенную въ Буйнакахъ, и взяли въ плѣнъ 8-мь мюридовъ. Это былъ послѣдній набѣгъ Гаджи-Мурата. Съ этихъ поръ имя знаменитаго наѣздника сходитъ со сцены кавказской войны,—и честь послѣдняго боя съ нимъ принадлежитъ дагестанцамъ.

1852-ой годъ начался въ полку крайне прискорбнымъ событіемъ: командиръ 3-го баталіона подполковникъ Соймоновъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ штабъ-офицеровъ полка, георгіевскій кавалеръ, которыхъ тогда немного насчитывалось въ рядахъ Кавказскаго корпуса—былъ убитъ на большой дорогѣ, почти въ виду Темиръ-Ханъ-Шуры. Соймоновъ выѣхалъ изъ Большихъ Казанищъ, гдѣ квартировалъ его баталіонъ, 12-го января, въ сопровожденіи пѣшаго конвоя; но на дорогѣ онъ нѣсколько опередилъ его и уже въ сумеркахъ, почти подъ самою Шурою, наткнулся на четырехъ конныхъ татаръ. Послѣдовалъ залпъ—и Соймоновъ, пораженный въ грудь, былъ убитъ наповалъ. Татары захватили его лошадь, сорвали шашку, оправленную въ серебро, и скрылись прежде, чѣмъ подбѣжалъ конвой. Такъ погибъ опытный, бывалый на Кавказѣ человѣкъ, котораго судьба хранила во многихъ дѣлахъ, и погибъ не въ бою, а на большой дорогѣ отъ

руки неизвѣстнаго хищника.

Какъ печально было начало 1852-го года, такъ конецъ его ознаменовался въ Дагестанскомъ полку однимъ изъ тѣхъ славныхъ дѣлъ, которыя въ полной мѣрѣ выказываютъ храбрость, удаль и смѣтливость кавказскаго солдата. 24-го октября значительная партія, подъ предводительствомъ извѣстнаго наиба Мусса-Дебира, сдѣлала набѣгъ на шамхальскія владѣнія. 1-й баталіонъ Дагестанскаго полка, расположенный въ Кутишахъ, отрѣзалъ ей отступленіе, и роты расположились такъ удачно, что куда не бросались горцы, они вездѣ натыкались на огонь и штыки. Окруженный со всѣхъ сторонъ, непріятель ринулся, наконецъ, напроломъ. Самъ Мусса-Дебиръ былъ убитъ, и въ рукахъ дагестанцевъ остались: три значка, 50-тъ лошадей съ сѣдлами, много оружія, 14-ть плѣнныхъ, и вся добыча, отбитая горцами. Не менѣе славное дѣло произошло и въ маѣ слѣдующаго года, когда горцы сдѣлали покушеніе на Даргинскій округъ.

Въ Оглахъ стояли въ это время двѣ роты Дагестанскаго полка, подъ командою капитана Добржанскаго. Ничего не зная о намѣреніи горцевъ, Добржанскій утромъ, 26-го мая, отправилъ въ Аймякинское укрѣпленіе вьючный транспортъ, подъ прикрытіемъ 60-ти солдатъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ. Но едва послѣдніе вьюки скрылись за переваломъ, какъ въ той сторонѣ послышались частые ружейные выстрѣлы. Полагая, что горцы напали на транспортъ, Добржанскій тотчасъ направилъ на помощь къ нему 3-ю гренадерскую роту; а, между тѣмъ, другая партія вдругъ кинулась на самые Оглы и захватила жительскій скотъ. 7-я мушкатерская рота, выскочившая на тревогу, отбила добычу, но въ ту же минуту должна была спѣшить на помощь къ сосѣднему селенію Ахъ-

Кенту, также атакованному горцами. Появленіе роты въ то время, когда непріятель уже врывался въ деревню, настолько ободрило ахъ-кентцевъ, что они отбили нападеніе и вмѣстѣ съ ротою гнали непріятеля до Аракапскаго спуска. Отсюда Добржанскій вышелъ на аймякинскую дорогу и поспѣлъ совершенно во-время, чтобы нанести пораженіе третьей партіи, атаковавшей транспортъ. Но едва управились здѣсь, какъ надо было бѣжать къ Аймякамъ, откуда вдругъ загремѣли пушечные выстрѣлы. Это была четвертая партія, напавшая на 9-ю роту Дагестанскаго полка, высланную навстрѣчу транспорта. Добржанскій вышелъ какъ-разъ въ тылъ непріятелю и горцы, поставленные между двухъ огней, обратились въ бѣгство. Такъ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, послѣдовательно одна за другою, были разбиты четыре партіи,—и честь этого подвига принадлежала энергіи и распорядительности капитана Добржанскаго.

Послѣдующіе три года не представляютъ въ жизни полка ничего особеннаго, кромѣ безпрерывныхъ походовъ, сопряженныхъ съ ними лишеній, да цѣлаго ряда тревогъ, не дававшихъ покоя, но и не являвшихъ случая къ какимъ либо выдающимся отличіямъ. Такъ наступилъ 1857-й годъ, когда съ пріѣздомъ князя Барятинскаго рѣшено было утвердиться въ предгоріяхъ Андійскаго хребта и, бросивъ Ишкарты, перенести штабъ-квартиру Дагестанскаго полка въ Салатавію.

Такимъ образомъ дагестанцамъ выпала честь сдѣлать первый шагъ къ окончательному покоренію Восточнаго Кавказа.

И вотъ, въ началѣ іюня, покинувъ Ишкарты навсегда, четыре дѣйствующіе баталіона выступили въ Евгеніевское укрѣпленіе, откуда въ авангардѣ сильнаго отряда двинулись

въ Салатавію. Движеніе было такъ быстро, что на другой день знаменитый Терепгульскій оврагъ былъ захваченъ безъ боя, и Дагестанскій полкъ, произведя рекогносцировку, убѣдился, что лучшимъ мѣстомъ для его расположенія будетъ возвышенная плоскость, примыкавшая къ развалинамъ Стараго Буртуная. На этой плоскости находился высокій курганъ, и дагестанцы каждый день стали выставлять на немъ особый пикетъ. Нѣсколько дней прошло благополучно; но 28 Іюня, когда стрѣлковый взводъ, съ подпоручикомъ Шульцемъ, шелъ занимать обычный постъ, горцы, устроившіе засаду, внезапно атаковали его со всѣхъ сторонъ. Шульцъ былъ убитъ; 20 нижнихъ чиновъ изрублено; остальныхъ выручила прискакавшая на тревогу конница. Это были кровавыя жертвы, принесенныя полкомъ, за право владѣнія имъ Салатавіею.

14 іюля штабъ-квартира была заложена, и работы по ея устройству пошли такъ успѣшно, что 20 октября наружныя укрѣпленія были готовы и штабъ-квартира торжественно освящена при громѣ крѣпостныхъ орудій съ ея каменныхъ стѣнъ.

Штурмомъ Новаго Буртуная, въ которомъ участвовали два баталіона дагестанцевъ, подъ командою полковника Ракусы, закончились военныя дѣйствія полка въ эту экспедицію, и въ дальнѣйшихъ дѣлахъ: при рубкѣ просѣкъ, при истребленіи Делыма и при разгромѣ скопищъ Кази-Магомы, онъ уже не участвовалъ. 16-го ноября отрядъ былъ распущенъ, и Дагестанскій полкъ остался одинъ въ странѣ испепеленной и залитой кровію ея защитниковъ.

Весь 1858-ой годъ проходитъ для полка въ безпрерывныхъ походахъ по Салатавіи, Ауху и Ичкеріи, гдѣ въ одной изъ самыхъ пустыхъ перестрѣлокъ убитъ маіоръ Добржанскій,

выказавшій такъ много военныхъ достоинствъ въ памятномъ дѣлѣ 26 мая 1853-го года. Затѣмъ, когда началось окончательное покореніе Восточнаго Кавказа, полкъ, въ составѣ дагестанскаго отряда генералъ-адъютанта барона Врангеля, ознаменовываетъ себя такимъ подвигомъ, который достоинъ, чтобы сохранять его на ряду съ славнѣйшими дѣяніями въ лѣтописяхъ русской арміи. Это—знаменитая переправа полка у Сагратло черезъ Андійское Койсу. Нужно сказать, что ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ не менѣе 15-ти саженъ, и чтобы устроить переправу нужно было какимъ нибудь образомъ укрѣпить канатъ на противоположномъ берегу. Когда всѣ попытки перебросить его оказались безплодными, юнкера Дагестанскаго полка Агаевъ и Шпейеръ и рядовой Кочетковъ вызвались переплыть бѣшенную Койсу. За дагестанцами явилось и еще нѣсколько охотниковъ; но изъ числа этихъ отважныхъ пловцовъ—двоихъ поглотила сердитая рѣка, остальныхъ выбросило обратно на берегъ, и только Шпейеръ и Кочетковъ вышли побѣдителями изъ грозной борьбы со стихіею. Но положеніе ихъ и теперь было отчаянное: они очутились на непріятельской землѣ безъ одежды, безъ хлѣба и даже безъ оружія, а по сосѣдству съ ними, въ глубокой пещерѣ, притаилось 20 мюридовъ, слѣдившихъ за каждымъ ихъ движеніемъ. Правда, выходъ изъ этой пещеры усиленно обстрѣливался съ нашего берега, но это еще не могло служить полною гарантіею къ тому, чтобы 20 отчаянныхъ фанатиковъ не рискнули броситься на двухъ безоружныхъ и выбившихся изъ силъ гяуровъ.

Когда Шпейеръ и Кочетковъ укрѣпили, наконецъ, канатъ, тогда устроили люльку, въ которую садился солдатъ и, перехватывая канатъ руками, перебирался такимъ образомъ на

противоположный берегъ. Одинъ по одному, качаясь надъ страшною Койсу, переправились 7 унтеръ-офицеровъ и 12 рядовыхъ Дагестанскаго полка, а за ними трое стрѣлковъ и 17 милиціонеровъ. Тогда пещера взята была приступомъ, и два дагестанца, унтеръ-офицеръ Звонинъ и рядовой Басюкъ, были при этомъ ранены. Положеніе этой команды, отрѣзанной отъ своихъ бушующимъ Койсу, съ часу на часъ становилось затруднительнѣе, такъ какъ сосѣднія горы стали покрываться уже толпами непріятеля. Рѣшено было тѣмъ же способомъ переправить за рѣку еще охотничью команду Дагестанскаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Исайскаго. Но, на этотъ разъ, переправляться пришлось уже подъ выстрѣлами.

Такъ прошла ночь. Ложементы наши, вытянутые по берегу, не смыкая глазъ, зорко охраняли своихъ товарищей, находившихся на той сторонѣ, и малѣйшее движеніе у непріятеля вызывало изъ ложементовъ страшный огонь, подъ которымъ горцамъ трудно было добраться до нашей команды.

Только на третій день удалось, наконецъ, перекинуть черезъ Койсу зыбкую веревочную плетенку въ нѣсколько вершковъ ширины, по которой, какъ по мосту, люди должны были переходить въ-одиночку. Подвели два баталіона Дагестанскаго полка и приказали имъ переправляться. Едва человѣкъ ступалъ на этотъ зыбкій мостъ, какъ онъ начиналъ раскачиваться въ стороны, нырять въ воду, и съ каждымъ шагомъ солдату, въ его тяжеломъ снаряженіи, приходилось балансировать и дѣлать неимовѣрныя усилія, чтобы сохранить равновѣсіе и не слетѣть въ рѣку. Пока переправлялся одинъ, тысячи другихъ ожидали своей очереди; а съ противоположнаго берега градомъ сыпались пули.... Нѣсколько

неизбѣжныхъ жертвъ никого не смущали, и на мѣсто сорвавшагося и исчезнувшаго безслѣдно въ пучинахъ Койсу, становился другой, расчитывая быть счастливѣе.

Если бы это не былъ фактъ, совершившійся на-глазахъ современниковъ и точно занесенный въ офиціальные бюллетени—никто не повѣрилъ бы, что это происходило въ дѣйствительности и что подобная переправа отряда когда либо могла существовать подъ огнемъ непріятеля.

Когда оба баталіона Дагестанскаго полка перебрались, наконецъ, на ту сторону Койсу, одушевленіе солдатъ было такъ велико, что генералъ Ракуса, не взирая на малочисленность отряда, тотчасъ рѣшилъ атаковать горскія позиціи. Но непріятель бѣжалъ, не выждавъ удара:—такъ поразила его согратлинская переправа. И въ самомъ дѣлѣ, если русскіе на-глазахъ ихъ побѣдили природу, то что же имъ значило взять какіе нибудь завалы!

Этимъ же двумъ баталіонамъ, почти вслѣдъ за тѣмъ, довелось и завершить покореніе Дагестана участіемъ въ штурмѣ Гуниба 25 августа 1859 года; а затѣмъ стрѣлковыя роты полка идутъ за Кубань на покоредіе Западнаго Кавказа и поступаютъ тамъ подъ главное начальство стараго своего командира, графа Евдокимова.

Въ ознаменованіе доблестной службы полка въ теченіи кавказской войны Государь Императоръ пожаловалъ ему знаки на шапки «За отличіе на Кавказѣ 1846—1859 г.» и надпись на знамя 2-го баталіона: «За переправу черезъ Андійское Койсу у аула Саратло 1859 года».

Между тѣмъ, съ уходомъ полковъ 18 пѣхотной дивизіи въ Россію, Дагестанскій полкъ опять возвращенъ въ Прикаспійскій край и, покинувъ Буртунай, въ августѣ 1862 года

основалъ свою штабъ-квартиру въ Чиръ-Юртѣ, на старомъ пепелищѣ Нижегородскаго драгунскаго полка. Въ то же время полкъ приведенъ былъ изъ пяти въ четырехъ-баталіонный составъ, выдѣливъ отъ себя одинъ баталіонъ на сформированіе новаго Тамапскаго пѣхотнаго полка. А вслѣдъ за тѣмъ, 25 марта 1864 года полку присвоенъ № 82-й. Въ томъ же году Высочайшимъ приказомъ 1-го ноября графъ Евдокимовъ былъ назначенъ шефомъ дагестанцевъ, какъ первый командиръ ихъ, подъ начальствомъ котораго полкъ получилъ свои салтинскія знамена, а 13 октября 1870 года Дагестанскому полку повелѣно именоваться полкомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михаиловича.

Изъ послѣдующихъ военныхъ дѣйствій необходимо отмѣтить подавленіе мятежа, возникшаго въ Дагестанѣ въ 1877 году, когда полку пришлось дѣйствовать въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, которыя не разъ, въ теченіи минувшаго тридцатилѣтняго періода, ознаменовывались его геройскими дѣлами,— и памятникомъ этого времени служатъ: серебряныя георгіевскія трубы, пожалованныя 1-му баталіону: «За отличіе при подавленіи возстанія въ Дагестанѣ въ 1877 году», и георгіевское знамя 4-го баталіона, на которомъ красуется надпись: «За дѣла съ мятежниками въ 1877 году: 19 октября при Цудахарѣ и 2 ноября при сел. Сагратло».

Но ни на одномъ Кавказѣ Дагестанскому полку пришлось послужить Царю и отечеству. Еще въ 69 году, когда возстаніе киргизовъ выдвинуло на очередь вопросъ о занятіи какого либо пункта на восточномъ берегу Каспійскаго моря, для огражденія нашей торговли отъ разбоя туркменъ,—2-й баталіонъ Дагестанскаго полка первый высаживается въ Красноводскомъ заливѣ 5 ноября, производитъ отсюда рядъ рекогносцировокъ,

и весною 1870 года основываетъ укрѣпленіе, названное по имени урочища: Ташъ-Аравать-кала. Вотъ это-то ничтожное укрѣпленіе, основанное Дагестанскимъ полкомъ, и было первымъ шагомъ къ пріобрѣтенію обширнаго Закаспійскаго края,— нынѣ раздвинувшаго свои предѣлы уже почти до Герата.

Съ этихъ поръ баталіоны Дагестанскаго полка поочередно занимаютъ восточный берегъ Каспійскаго моря: двѣ роты его участвуютъ въ хивинской экспедиціи, въ составѣ отряда полковника Маркозова, и шесть ротъ въ ахалъ-текинскомъ походѣ генерала Скобелева.

Послѣднею боевою наградою полку служатъ, пожалованные 1-му баталіону, знаки отличія на головные уборы съ надписью: «За взятіе штурмомъ крѣпости Геокъ-тепе 12 января 1881 года».

III

САМУРСКІЙ ПѢХОТНЫЙ ПОЛКЪ.

Высочайшимъ приказомъ 16-го декабря 1845 года повелѣно сформировать на Кавказѣ Самурскій пѣхотный полкъ, вошедшій въ составъ 21-й пѣхотной дивизіи.

Штабъ-квартира ему назначена была въ Дешлагарѣ, на пути изъ Темиръ-Хапъ-Шуры къ Дербенту.

Для сформированія его назначенъ былъ Грузинскій линейный № 10-й баталіонъ и отдѣлены по два баталіона отъ егерскихъ полковъ 5-го пѣхотнаго корпуса: Подольскаго и Житомірскаго.

Вмѣстѣ съ подольскими баталіонами поступили въ новый полкъ: знамя, пожалованное «За отличіе» въ экспедиціяхъ противъ горцевъ въ 1841 году и серебряныя трубы, заслуженныя въ отечественную войну при изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи. Такія же трубы и простое знамя съ надписью «За походъ въ Анди въ іюнѣ 1845 года» перешли изъ Житомірскаго полка, а линейный баталіонъ сохранилъ свое георгіевское знамя съ надписью «За отличіе въ сраженіи при Ла-Ротіерѣ» и гренадерскій бой, пожалованный ему за оборону Кубы въ 1837 году.

Въ первый разъ имя самурцевъ упоминается въ реляціяхъ съ поля битвъ 1846 года. Въ этомъ году, 25-го іюля полкъ принялъ свое крещеніе огнемъ на высотахъ Тлія въ жаркомъ бою съ многочисленнымъ скопищемъ Шамиля. Затѣмъ дальнѣйшіе шаги его на боевомъ поприщѣ тѣсно связываются съ присно-

памятнымъ кровавымъ штурмомъ Гергебиля, составляющемъ замѣчательнѣйшую страницу въ лѣтописяхъ Кавказа, какъ по блестящимъ подвигамъ нашихъ войскъ, такъ и по отчаянной, изумительной защитѣ горцевъ. Въ Самурскомъ полку рядъ этихъ подвиговъ выпадаетъ на долю 2-го баталіона, который на штурмѣ 4-го іюня 1847 года врывается въ аулъ, теряетъ большую половину людей, и отходитъ назадъ только тогда, когда получаетъ на это приказаніе.

За неудачнымъ штурмомъ Гергебиля, слѣдуетъ не менѣе кровавая осада Салтовъ, длившаяся 52-ва дня и стоившая намъ, въ концѣ-концовъ, болѣе ста офицеровъ и двухъ-тысячъ нижнихъ чиновъ. Изъ этой громадной потери болѣе нежели четвертая часть выпала на долю Самурскаго полка, который участвовалъ въ цѣломъ рядѣ кровавыхъ дѣлъ, начиная съ 7-го и 9-го августа, когда баталіоны его громили скопища Гаджи-Мурата, Кибитъ-Магомы и Абакара, и кончая днемъ 14-го сентября, когда Салты наконецъ были взяты.

Въ ряду этихъ кровавыхъ дней вѣчно останется памятнымъ бой въ салтинскихъ садахъ 22 августа, когда горцы со всѣми силами обрушились на двѣ роты 4-го баталіона Самурскаго полка, занимавшія, подъ командою штабсъ-капитана Щербины, отдѣльную высоту, наскоро обнесенную косокакими завалами. Горцы ворвались въ это слабое укрѣпленіе. Штабсъ-капитанъ Щербина, геройски отстаивая свой постъ, былъ изрубленъ, и самурцы, разстроенные громадными потерями, вынуждены были спуститься внизъ, гдѣ уже стояли въ огнѣ остальныя двѣ роты ихъ баталіона и ширванцы Бибапова. Цѣлую ночь шелъ приступъ за приступомъ; самурцы лишились всѣхъ своихъ офицеровъ; но, несмотря на тяжкія

потери, удержали позицію,—и сады остались за нами.

Затѣмъ 1-й баталіонъ самурцевъ 9-го сентября назначается въ штурмовую колонну и, по слѣдамъ охотниковъ, занимаетъ воронку, образованную нашимъ взрывомъ. Но, спустя три-четыре часа, роты эти на-глазахъ князя Аргутинскаго буквально разстрѣливаются горцами. Тогда на смѣну ихъ идетъ 3-й баталіонъ, и хотя рота за ротою, послѣдовательно, гибнутъ въ непосильной борьбѣ, но самурцы не уступаютъ ни пяди изъ занятой позиціи, и подъ ихъ самоотверженнымъ прикрытіемъ, на мѣстѣ бывшей воронки, быстро выростаютъ наши ретраншаменты.

Тѣ же два баталіона участвуютъ въ кровавомъ штурмѣ 14 сентября, гдѣ повторяется то же, что было уже подъ Гергебилемъ. Рота за ротою врывается въ аулъ, гибнетъ, но не отходитъ назадъ. Ночь пріостановила страшную рѣзню; но нравственныя силы защитниковъ были настолько подорваны, что горцы отступили, оставивъ въ нашихъ рукахъ развалины аула. Эти два штурма, 9-го и 14-го сентября стоили самурцамъ 34-хъ офицеровъ и 512-ти нижнихъ чиновъ.

Государь оцѣнилъ доблестную службу полка и пожаловалъ обоимъ баталіонамъ знамена съ надписью: «За взятіе Салты». Памятный 47-й годъ заканчивается геройскою оборонною 2-го баталіона Самурскаго полка въ Цудахарѣ, обложеннымъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ двухъ-тысячнымъ скопищемъ Шамиля.

Слѣдующій за нимъ 1848 годъ проходитъ въ жизни полка безъ особенно выдающихся подвиговъ, хотя полкъ участвуетъ во вторичной осадѣ Гергебиля и въ походѣ князя Аргутинскаго-Долгорукова въ Самурскій округъ на выручку Ахтовъ. Но зато 49-й годъ начинается не большимъ, но замѣчательно прекраснымъ дѣломъ, показывающимъ, какой

превосходный духъ легъ въ основаніе полка при самомъ его учрежденіи. Ничтожное, въ смыслѣ крупнаго историческаго событія, дѣло это по своей характерности принадлежитъ однакоже къ разряду тѣхъ чисто кавказскихъ дѣлъ, на которыхъ вырабатывалась и воспитывалась къ чести Россіи славная Кавказская армія.

28 апрѣля 1849 года изъ Хаджалъ-Махи въ Цудахарскій фортъ шелъ небольшой вьючный транспортъ съ прикрытіемъ изъ 27 солдатъ Самурскаго полка, подъ командою прапорщика Дебошинскаго. Сильная партія горцевъ, засѣвшая на правомъ берегу Казикумыкскаго Койсу, среди отвѣсныхъ скалъ, между которыми пролегала дорога, незамѣтно подпустила команду и вдругъ, сдѣлавъ залпъ, кинулась въ шашки. Дебошинскій велъ транспортъ въ порядкѣ, и потому неожиданность не смутила самурцевъ. Первое нападеніе было отбито,—но одна атака смѣнялась другою, и нападеніе шло непрерывно. Дебошинскій и оба унтеръ-офицеры скоро были убиты; команда осталась безъ начальниковъ и, можетъ быть, невольное смущеніе закралось бы въ ряды ея, если бы въ этотъ моментъ не явился рядовой Уколовъ. Видя общее замѣшательство, онъ громко крикнулъ: «слушать мою команду!»—и принялъ на себя начальство. Порядокъ тотчасъ возстановился, и Уколовъ съ 8 человѣками, оставшимися въ живыхъ, геройски отстаивалъ транспортъ до тѣхъ поръ, пока на выстрѣлы не подоспѣла помощь изъ Хаджалъ-Махи и Цудахара. Князь Воронцовъ произвелъ Уколова въ унтеръ-офицеры; но Императоръ Николай нашелъ награду недостаточной: онъ пожаловалъ ему знакъ отличія военнаго ордена, произвелъ въ прапорщики и приказалъ извѣстному художнику Тимму, бывшему тогда на Кавказѣ, снять съ него портретъ.

Этотъ небольшой эпизодъ послужилъ, такъ сказать, прелюдіей къ тѣмъ подвигамъ, которые ожидали самурцевъ въ томъ-же году, во время чохской экспедиціи. Передовыя высоты были взяты съ бол Самурскимъ полкомъ—и два баталіона его, утвердившись въ завалахъ, положили начало осадѣ Чоха. Съ этой минуты вся тяжесть прикрытія осадныхъ работъ падаетъ на однихъ самурцевъ, и они цѣлыя недѣли, по суткамъ не смыкая глазъ, не всегда имѣя время даже для ѣды, безсмѣнно стоятъ въ передовыхъ траншеяхъ, заслоняя своею грудью наши осадныя роботы. Такое напряженное состояніе разрѣшилось наконецъ 9 іюля сильною вылазкою. Горцы стремительно атаковали нашу переднюю липію, завязалось жаркое дѣло. Командиръ полка достойный полковникъ Кесслеръ лично повелъ въ бой самурцевъ и былъ жестоко раненъ пулею въ ротъ. Обливаясь кровью, пренебрегая перевязкою, онъ стоялъ на виду у всѣхъ и покинулъ свой постъ только тогда, когда нападеніе было отбито.

На слѣдующій день новая вылазка—и новый примѣръ того же честнаго отношенія къ своему долгу, который наканунѣ показалъ самурцамъ ихъ доблестный начальникъ. Въ этотъ день, едва саперы приступили къ закладкѣ редута—горцы атаковали рабочихъ. Командиръ самурскаго баталіона подполковникъ Ракуса былъ раненъ пулею въ грудь; но, понимая, какъ важно присутствіе его во главѣ баталіона, не оставлялъ своего мѣста цѣлые сутки. Работа кипѣла; самурцы отбивались огнемъ и штыками, а редутъ, между тѣмъ все росъ, да росъ—и къ вечеру уже былъ занятъ войсками.

Съ заложеніемъ второй параллели, работы наши приблизились къ аулу настолько, что горцы изъ бокового завала, прилегавшаго почти къ аульной оградѣ, поражали рабочихъ

на-выборъ. Чтобы уменьшить потери, пришлось штурмовать завалъ, и 16 іюля онъ былъ разметанъ 4-мъ баталіономъ самурцевъ. Тѣмъ не менѣе, работы, производившіяся съ этого времени въ разстояніи полуружейнаго выстрѣла отъ непріятельскихъ укрѣпленій, требовали еще большей бдительности, чѣмъ прежде. И, дѣйствительно, въ темную ночь на 25 іюля горцы всѣми силами ударили на наши ложементы. Полковникъ Левицкій, безсмѣнно исправлявшій должность траншей-маіора, бросился впередъ съ 4-ю гренадерскою ротою Самурскаго полка и лицомъ-къ-лицу столкнулся съ непріятелемъ. Почти въ упоръ грянули залпы съ обѣихъ сторонъ,— и обѣ стороны разомъ кинулись въ штыки и въ шашки. Полковникъ Левицкій, одинъ изъ достойнѣйшихъ офицеровъ кавказскаго корпуса, былъ убитъ на-повалъ; командиръ роты поручикъ Моравскій и прапорщикъ Саморьяновъ, единственный субалтернъ-офицеръ въ гренадерской ротѣ, ранены,— и бой окончилъ фельдфебель.

Отбитые и прогнанные къ Чоху, горцы черезъ два дня повторили нападеніе. Скрытно подползли они къ самурской цѣпи, но, къ счастію, были замѣчены, и 40 человѣкъ самурцевъ, быстро сомкнувшись, подъ командою поручика Велички, встрѣтили ихъ залпомъ: горцы отвѣтили тѣмъ же, и Величко, раненый пулями въ грудь и въ ногу, покинулъ строй; тогда начальство приняли два унтеръ-офицера Пимоновъ и Карповъ. Но пока эта храбрая горсть отбивалась отъ противника, другая партія мюридовъ уже вскочила въ траншеи и атаковала 10-ю роту Самурскаго полка. Въ одно мгновеніе командиръ 4-го баталіона маіоръ Степановъ и командиръ роты поручикъ Стопановскій были изранены,—и бой остался опять на попеченіи унтеръ-офицеровъ.

Во всѣхъ этихъ схваткахъ невольно подмѣчается характерная черта, присущая кавказскимъ полкамъ—рота никогда не теряетъ своей самостоятельности: выбудутъ всѣ офицеры—ею командуетъ фельдфебель, выбудетъ фельдфебель—командуютъ унтеръ-офицеры; перебьютъ унтеръ-офицеровъ—въ начальство вступаетъ старый солдатъ, и ничѣмъ нельзя, бывало, сбить ее, что называется, съ толку, смѣшать или привести въ недоумѣніе.

Какъ ни близко казалось паденіе Чоха, но князь Аргутинскій, помнившій Салты и Гергебиль, понималъ во-что обойдется войскамъ штурмъ этого еще болѣе крѣпкаго аула,—и не рѣшился на приступъ; онъ удовольствовался тѣмъ, что укрѣпленія Чоха были разрушены нашими батареями,—и снялъ осаду.

Чохъ стоилъ самурцамъ 12-ти офицеровъ и болѣе 300-тъ нижнихъ чиновъ, выбывшими изъ строя.

Въ 1850 году 2-й баталіонъ ходилъ на лѣвый флангъ Кавказской линіи и участвовалъ въ зимней экспедиціи въ Чечнѣ; но, собственно говоря, годъ прошелъ сравнительно спокойно; зато слѣдующій начался для полка довольно прискорбнымъ происшествіемъ: въ апрѣлѣ 1851-го года Гаджи-Мурать, какъ снѣгъ на голову, налетѣлъ на окрестности Дешлагара и на полковомъ покосѣ захватилъ весь самурскій табунъ, а съ нимъ и лошадей 4-й горной батареи. Оправданіемъ для самурцевъ, конечно, могла служить безпечность передовыхъ ауловъ, во-время не давшихъ знать о прорывѣ партіи; но нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторый расплохъ являлся здѣсь естественнымъ результатомъ самаго положенія Дешлагара, настолько удаленнаго отъ всѣхъ непокорныхъ обществъ, что трудно было ждать на него нападенія. Дешлагаръ, дѣйстви-

тельно, стоитъ въ сторонѣ, почти на берегу Каспійскаго моря, окруженный мирными аулами, и, можетъ быть, благодаря именно этому обстоятельству онъ въ короткое время успѣлъ обстроиться такъ, что ему могли позавидовать не только штабъ-квартиры старыхъ полковъ, но и многіе уѣздные города Россіи. Впрочемъ, помимо богатѣйшихъ земельныхъ угодій, этому еще много содѣйствовало и то, что командиромъ полка былъ полковникъ Кесслеръ, извѣстный инженеръ того времени.

Не успѣли опомниться отъ этого происшествія, какъ Гаджи-Муратъ налетѣлъ вторично, и верстахъ въ 15-ти отъ Дешлагара разбилъ богатый аулъ Буйнаки, убилъ Шахъ-Вали и плѣнилъ его семейство. На этотъ разъ самурцевъ не было дома; всѣ баталіоны ихъ уже были въ отрядахъ; но рота, находившаяся въ штабъ-квартирѣ, подъ командой подполковника Кабыляпскаго, гналась за Гаджи-Муратомъ до самыхъ Кайтагскихъ лѣсовъ и сдѣлала съ небольшимъ въ одинъ сутки болѣе 90 верстъ.

Годъ закончился славнымъ участіемъ 1-го баталіона въ дѣлѣ на Гамашинскихъ высотахъ, гдѣ генералъ Грамотинъ разбилъ главныя силы самого Шамиля.

Затѣмъ 1852 годъ отмѣченъ въ памяти Самурскаго полка такимъ кровавымъ эпизодомъ, который, смѣло можно сказать, не имѣетъ себѣ подобнаго въ исторіи кавказской войны. Это штурмъ аула Шелети, гдѣ засѣло 80, а по словамъ другихъ всего 40 мюридовъ, подъ начальствомъ Букъ-Магомета. На приступъ направлены были два баталіона графскаго полка и первый баталіонъ Самурскаго. Но пока брали саклю за саклею и пока горсть защитниковъ была наконецъ перебита, войска потеряли 468 человѣкъ убитыми и ранеными; изъ этой потери на долю одного самурскаго баталіона

приходится 250 нижнихъ чиновъ и 10 офицеровъ, при чемъ сильно раненъ былъ командиръ баталіона полковникъ Ракуса, удостоенный за этотъ бой орденомъ св. Георгія 4 степени.

Въ то время, какъ 1-й баталіонъ несъ такія тяжелыя потери подъ Шелегами, 2-й баталіонъ Самурскаго полка, высланный на лѣвый флангъ Кавказской линіи, принялъ участіе въ экспедиціи извѣстнаго полковника Бакланова и имѣлъ блестящее дѣло на Мичикѣ. Нельзя не упомянуть также объ отдѣльномъ подвигѣ штабсъ-капитана Семенова, который 29 февраля съ ротой въ 120 штыковъ, по личной своей иниціативѣ, сдѣлалъ изъ Цудахара отважный набѣгъ на аулъ Колтыши и вырвалъ изъ рукъ горцевъ много томившихся въ неволѣ плѣнниковъ.

Этотъ прекрасный эпизодъ достойно заканчиваетъ собою хронику 1852 года; въ слѣдующемъ же 53-мъ году три баталіона Самурскаго полка: 1-й, 2-й и 4-й, участвуютъ въ знаменитомъ походѣ князя Аргутинскаго на Лезгинскую линію—въ походѣ «историческомъ и безпримѣрномъ», какъ назвалъ его князь Воронцовъ. Пользуясь удаленіемъ значительной части войскъ въ Азіятскую Турцію, Шамиль въ этомъ году бросился на Лезгинскую линію и угрожалъ вторженіемъ въ самую Грузію. Помощь нужна была быстрая,—и князь Аргутинскій рѣшился пройти съ дагестанскимъ отрядомъ черезъ Кавказскій хребетъ напрямикъ безъ дорогъ и тропинокъ. Уже за Хозрекомъ, на первомъ перевалѣ черезъ Нусдагъ, войска застали суровую зиму и страшныя метели. Чѣмъ дальше, тѣмъ горы становились все выше, все недоступнѣе. Въ этихъ мѣстахъ не существуетъ признака тропъ и только одиночные охотники, и то налегкѣ, кое-когда появляются

здѣсь, не рискуя однако заходить за карнизы вѣчнаго снѣга. Двигаясь по такому пути, войска то брели цѣпкомъ по снѣговымъ сугробамъ, то шли по обледенѣлымъ осыпямъ, скользя и цѣпляясь руками за голый плитнякъ. Въ первые дни этого подъема на высоту 10 тысячъ футовъ, въ горахъ бушевалъ страшный вѣтеръ, а потомъ повалилъ снѣгъ. Труднѣе всѣхъ досталось первому баталіону Самурскаго полка, слѣдовавшему въ аррьергардѣ, и переходъ 1-го сентября, конечно, никогда не изгладится изъ памяти самурцевъ. Ночь застигла аррьергардъ на дорогѣ; непроглядный мракъ и туманъ окутали предметы такъ, что не было видно сосѣдняго человѣка, а путь между тѣмъ лежалъ по краю страшныхъ стремнинъ и пропастей, гдѣ каждый мало-мальски невѣрный шагъ могъ стоить жизни. Утопая въ снѣгу, едва переводя дыханіе, обливаясь потомъ, несмотря на сильный морозъ и пронизывающій вѣтеръ, войска поднимались все выше и выше. Двигались гуськомъ, ощупью, пробуя ногою каждый шагъ, чтобы не сорваться въ кручу, а такое напряженіе нервовъ еще болѣе увеличивало общее изнеможеніе организма, тѣмъ болѣе, что это былъ уже седьмой день безостановочнаго похода. Только когда прошли полосу тучъ и поднялись въ заоблачное пространство, сдѣлалось нѣсколько свѣтлѣе, но зато холодъ и вѣтеръ усилились. Утромъ аррьергардъ спустился наконецъ съ горъ и соединился съ главными силами. По повѣркѣ оказалось, что самурцы шли 22 часа къ ряду, безъ привала, а если и останавливались для передышки на пять, на шесть минутъ, то людямъ не позволяли садиться изъ опасенія, чтобы отъ временнаго сна они не перешли къ вѣчному покою.

У деревни Кусуръ войска сдѣлали дневку. Далѣе, черезъ главный хребетъ, пошли уже одни ширванцы, а самурскіе

баталіоны остановились бивуакомъ въ виду Гутуръ-дага и съ нетерпѣніемъ ждали приказанія итти впередъ. Но дни проходили за днями, а приказанія все не было. Всѣ сухари были съѣдены, вся соль израсходована, и отрядъ уже находился въ крайнемъ положеніи, когда, наконецъ, на пятые сутки явился посланный съ приказаніемъ итти обратно въ Кумухъ. Такъ и не удалось самурцамъ увидѣть непріятеля; но горный походъ ихъ по тѣмъ трудамъ и опасностямъ, которыя испытали войска въ борьбѣ съ грозною кавказскою природою, по справедливости, долженъ занять почетное мѣсто въ военной исторіи, рядомъ съ альпійскимъ походомъ Суворова.

Затѣмъ съ 1853 года самурцамъ не приходилось участвовать въ крупныхъ дѣлахъ до пріѣзда въ край князя Барятинскаго, когда начинается окончательное покореніе горъ и первымъ шагомъ къ этому является покореніе Салатавіи.

Отъ Самурскаго полка въ эту экспедицію, лѣтомъ 1857 года, назначены были два баталіона; но трудная служба, заключавшаяся въ спѣшной постройкѣ укрѣпленія Буртунай, въ безпрерывномъ сопровожденіи транспортовъ и въ охранѣ позиціи, заставили усилить отрядъ еще двумя баталіонами Самурскаго полка, которые прибыли съ своимъ полковымъ командиромъ, полковникомъ Лисовскимъ. Съ этого времени начинается рядъ дѣлъ, въ которыхъ преимущественно участвуютъ самурцы: 5-го октября 2-й баталіонъ занимаетъ съ боя Новый Буртунай; 31-го октября 1-й баталіонъ разбиваетъ сильное скопище, пытавшееся напасть на транспортъ; 3-го ноября два баталіона громятъ Зубутовскіе хутора, служившіе притономъ хищническихъ партій; 6-го—при наступленіи къ Делыму, 4-й баталіонъ штурмуетъ непріятельскіе завалы; 12-го—двѣ роты Самурскаго полка, внезапно атакованныя на рубкѣ лѣса, не толь-

ко отражаютъ нападеніе, но сами бросаются на непріятеля и занимаютъ высоту въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ главной непріятельской позиціи и, наконецъ, вѣнцомъ всѣхъ этихъ дѣлъ является 13-го ноября штурмъ Делыма, и затѣмъ на другой день разгромъ салатавскихъ ауловъ, еще остававшихся по правую сторону Терентульскаго оврага. Этимъ закончился походъ въ Салатавію, а въ послѣдующіе два года самурцы отстаиваютъ Прикаспійскій край отъ безпрерывныхъ вторженій непріятельскихъ партій, проникаютъ въ самую глубь Салатавіи, громятъ Аухъ и Ичкерію и заканчиваютъ покореніе Восточнаго Кавказа штурмомъ Гуниба 25 августа 1859 года.

Доблестная служба самурцевъ въ теченіи этихъ послѣднихъ трехъ лѣтъ отмѣчена особымъ знакомъ Монаршаго вниманія—полку пожалована надпись на головной уборъ: «за отличіе на Кавказѣ 1857—1859 г.».

Едва затихъ послѣдній выстрѣлъ въ Дагестанѣ, стрѣлковыя роты Самурскаго полка переходятъ на правый флангъ и возвращаются оттуда только черезъ четыре года, принеся съ собою серебряные георгіевскіе рожки: «За покореніе Западнаго Кавказа». Тѣмъ временемъ полкъ переформировывается въ четырехъ баталіонный составъ, выдѣляя одинъ баталіонъ на сформированіе новаго Пятигорскаго полка: а затѣмъ полку присвоивается № 83-й.

Съ окончаніемъ Кавказской войны полкъ перемѣняетъ театръ военныхъ дѣйствій и въ 1873 году высылаетъ пять ротъ на восточный берегъ Каспійскаго моря. Одна изъ этихъ ротъ участвуетъ съ генераломъ Ломакинымъ въ покореніи Хивы; три поступаютъ въ отрядъ полковника Маркозова и терпятъ одну изъ тѣхъ катастрофъ, которыя случаются со степными отрядами. Жара, доходившая до 50°, глубокіе рас-

каленные зносмъ пески, безводица, недостатокъ пищи и корма заставлаютъ отрядъ съ полу-пути вернуться назадъ. До какой степени походъ этотъ гибельно отразился на здоровьѣ людей можно судить потому, что случаевъ заболѣванія съ 26-го марта по 14 мая было 3077, что составляетъ 60⁰ въ день на общую числительность отряда. Неудача была полная; но Самурскій полкъ съ гордостью долженъ отмѣтить тотъ фактъ, что генералъ Старосельскій, присланный для осмотра вернувшагося отряда, донесъ, что самый бодрый и здоровый видъ имѣютъ самурцы.

Между тѣмъ 8-я рота, находившаяся въ отрядѣ генерала Ломакина, достигаетъ Хивы, штурмуетъ 29-го мая Шахъ-Абатскія ворота и захватываетъ орудіе. Эта рота одна изъ цѣлаго полка и носитъ на головномъ уборѣ знакъ съ надписью: «За отличіе въ Хивинскомъ походѣ 1873 года».

Затѣмъ, въ 1877-мъ году полкъ участвуетъ въ усмиреніи мятежа въ Дагестанѣ. Изъ числа четырехъ баталіоновъ его, 1 и 2-й находятся въ составѣ главнаго отряда; 4-й дѣйствуетъ въ Кайтагѣ, 3-й остается въ общемъ резервѣ. Не перечисляя всѣхъ подвиговъ, оказанныхъ самурцами въ это трудное время, остановимся на двухъ важнѣйшихъ:—это геройская полутора-мѣсячная защита поручикомъ Булгаковымъ Георгіевскаго моста—защита, которая смѣло можетъ стать въ уровеньс ъ замѣчательнѣйшими дѣлами въ Дагестанѣ, и подвигъ подпоручика Петрова въ бою 4 октября, при взятіи Лавашинскихъ высотъ, гдѣ предводимая имъ 14-я рота впереди другихъ ворвалась въ завалы, при чемъ Петровъ собственноручно взялъ знамя главнаго предводителя мятежниковъ, а рота его отбила 14 значковъ. Нельзя не отмѣтить тотъ фактъ, что изъ полковъ 21-й дивизіи, дѣйствовавшихъ при усмире-

нiи мятежа, только на долю однихъ самурцевъ выпадаютъ офицерскіе георгіевскіе кресты; они были пожалованы маіору Гайдарову, поручику Булгакову и подпоручику Петрову.

Подвиги Самурскаго полка при усмиреніи Дагестана доставили 1-му и 2-му баталіонамъ его георгіевскія знамена, а 4-му—георгіевскія трубы.

Послѣдніе подвиги Самурскаго полка относятся къ ахалъ-текинской эспедиціи генерала Скобелева. Какое уваженіе внушала Скобелеву боевая служба самурцевъ лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что взятое имъ 19 декабря 1880 года укрѣпленіе Егянъ-Батыръ-кала названо было Самурскимъ въ честь перваго баталіона, въ теченіи всей экспедиціи находившагося въ передовомъ отрядѣ. Затѣмъ 1-й и 3-й баталіоны участвуютъ въ штурмѣ Геокъ-тепе, и первый изъ нихъ своимъ беззавѣтнымъ мужествомъ доставляетъ своему командиру подполковнику Гайдарову орденъ св. Георгія 3-й степени. Георгій на шеѣ въ чинѣ подполковника—примѣръ небывалый со временъ царствованія Екатерины Великой.

За взятіе Геокъ-тепе 1 му баталіону Самурскаго полка пожалованы георгіевскія серебряныя трубы, а 3-му баталіону—знаки на головные уборы «за отличіе.»

Въ заключеніе хроники остается добавить, что Высочайшимъ приказомъ еще 8 сентября 1871 года Самурскому полку повелѣно именоваться полкомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича.

IV

Ширванскій пѣхотный полкъ.

Исторія Ширванскаго полка на Кавказѣ нераздѣльно сливается съ исторіей полка Кабардинскаго, такъ какъ съ 1819 года Ширванскій полкъ является только пріемникомъ его знаменитыхъ подвиговъ.

Чтобы объяснить это, нужно сказать, что въ 1819 году на укомплектованіе Кавказскаго корпуса назначены были изъ внутреннихъ губерній Россіи шесть пѣхотныхъ полковъ, носившихъ названія по кавказскимъ мѣстностямъ.

Затѣмъ шесть полковъ, находившихся въ то время на Кавказѣ, съ русскими названіями должны были въ кадровомъ составѣ уйти въ Россію.

Такимъ образомъ перемѣнился почти весь составъ Кавказскаго корпуса, и изъ старыхъ частей въ немъ остались только четыре полка: 7-й Карабинерный (нынѣ лейбъ-Эриванскій,) Грузинскій гренадерскій и пѣхотные: Тифлисскій и Кабардинскій.

Въ числѣ полковъ, прибывшихъ тогда изъ Россіи, находился и Ширванскій пѣхотный полкъ. По дислокаціи, Высочайше утвержденной, ему указано было расположиться въ Царскихъ-Колодцахъ, а квартировавшему тамъ Кабардинскому полку перейти въ Нальчикъ, гдѣ до сего времени была квартира Казанскаго полка, долженствовавшаго теперь возвратиться въ Россію.

Дислокація эта не соотвѣтствовала видамъ генерала Ер-

молова, который находилъ необходимымъ держать Кабардинскій полкъ именно въ Грузіи, а потому приказалъ: Кабардинскому полку остаться въ Царскихъ-Колодцахъ, но именоваться уже Ширванскимъ полкомъ; Ширванскому полку принять имя Казанскаго и, выдѣливъ отъ себя необходимое число людей на укомплектованіе прочихъ кавказскихъ полковъ, въ кадровомъ составѣ возвратиться въ Россію, а Казанскому полку, стоявшему въ Нальчикѣ, именоваться Кабардинскимъ.

Такимъ образомъ дислокація была сохранена, но три полка перемѣнили свои названія и вмѣстѣ съ ними перемѣнили свои знамена; такъ: Кабардинскій полкъ принялъ ихъ отъ Ширванскаго, а свои, мальтійскія, передалъ Казанскому; казанскія-же знамена поступили въ Ширванскій полкъ и вмѣстѣ съ его кадрами ушли въ Россію.

По перемѣнивъ названіе, старые кабардинцы естественно остались тѣми-же кабардинцами, тѣмъ-же «10 легіономъ», какъ называлъ ихъ Ермоловъ—и знаменитый подвигъ ихъ въ Турціи, штурмъ Ахалцыха, составляетъ только продолженіе длиннаго ряда тѣхъ славныхъ дѣлъ, которыя начаты были ими на Іорѣ. Этимъ объясняется и то, почему имя Кабардинскаго полка, наполнявшее собою реляціи, внезапно съ 1819 года совсѣмъ исчезаетъ изъ нихъ и замѣняется новымъ именемъ ширванцевъ.

Завоеваніе Петромъ Великимъ персидскихъ провинцій вызвало необходимость усиленія войскъ Низоваго корпуса, и съ этою цѣлью въ 1726 году, въ царствованіе Императрицы Екатерины I-й, сформированы были пять новыхъ полковъ, изъ которыхъ первый впрочемъ назывался по именамъ своихъ командировъ Фонъ-Девица, потомъ Фонъ-Феникъ-Бира и, наконецъ, въ 1731 году названъ Рапохуцкимъ, по имени уѣзда, находящагося въ Гилянской провинціи. Когда-же, въ 1732 году, провинція эта была уступлена Персіи, полкъ именованъ *Кабардинскимъ* и расположенъ въ Дербентѣ.

Въ 1735 году состоялся Ганжинскій трактатъ, по которому Россія уступила Персіи всѣ завоеванныя у ней земли, и Низовой корпусъ, простоявъ нѣкоторое время на Терекѣ, вернулся въ Россію. Съ этихъ поръ имя Кабардинскаго полка встрѣчается въ реляціяхъ со всѣхъ возможныхъ театровъ войны: изъ подъ Азова, съ полей Финляндіи, Пруссіи и Турціи, гдѣ полкъ оказываетъ особое отличіе подъ Ларгой и Кагуломъ, живымъ свидѣтельствомъ чего служитъ пожалованіе командира его, полковника Клычка, орденомъ св. Георгія 3-го класса.

По окончаніи первой турецкой войны, по новому росписанію арміи, Кабардинскій полкъ назначается въ составъ Астраханскаго корпуса, и въ 1776 году опять попадаетъ на Кавказъ, на Моздокскую линію—и съ этихъ поръ болѣе ста лѣтъ, какъ бы соотвѣтственно своему кавказскому названію, не выходитъ изъ этого края. Первою штабъ-квартирою полка была крѣпость Георгіевская; отсюда онъ участвуетъ съ Якоби при усмиреніи кабардинцевъ, наноситъ пораженіе скопищамъ Шейхъ-Мансура у Татартуба, участвуетъ въ блистательныхъ походахъ Текелли за Кубань, несетъ тяжкія бѣд-

ствія въ несчастной экспедиціи Бибикова подъ Анапу, громитъ съ Германомъ турецкій корпусъ Баталъ-паши, съ Гудовичемъ беретъ Анапу, съ Зубовымъ—Дербентъ, и покоряетъ персидскія провинціи отъ Каспійскаго моря вплоть до предѣловъ Грузіи.

Кабардинскій полкъ уже составилъ себѣ громкое имя на Сѣверномъ Кавказѣ, когда Императоръ Павелъ приказалъ передвинуть его съ Моздокской линіи въ Грузію. Выступивъ изъ Георгіевска въ апрѣлѣ 1800 года, полкъ, подъ командою генералъ-маіора Гулякова, прибылъ въ Тифлисъ 23-го сентября, а 7-го ноября уже участвовалъ въ сраженіи на рѣкѣ Іорѣ—памятномъ въ лѣтописяхъ кавказской войны. Это былъ первый камень того фундамента, на которомъ построилась вся вѣковая слава кавказской арміи,—и памятникомъ этого боя служили въ полку, пожалованныя ему Императоромъ Павломъ, мальтійскія знамена съ надписью: «за взятіе у Аварскихъ войскъ знамени, при рѣкѣ Іорѣ, 7-го ноября 1800 года *).»

Сраженіе на Іорѣ, затѣмъ лезгинскіе походы и покореніе Джаро-Бѣлоканской области стяжали громкую и справедливую извѣстность командиру Кабардинскаго полка генералъ-маіору Гулякову. И память о немъ увѣковѣчена въ рядахъ кавказскихъ войскъ особымъ монументомъ, воздвигнутымъ, по повелѣнію въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича, въ Новыхъ-Закаталахъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ геройскою смертію въ битвѣ съ лезгинами 15

*) Вотъ эти-то знамена Кабардинскій полкъ въ 1819 году и передалъ Казанскому, а самъ принялъ георгіевскіе знамена Ширванскаго полка съ надписью: «за сраженіе 23-го февраля 1814 года подъ Краономъ».

января 1804 года.

Затѣмъ вся дѣятельность Кабардинскаго полка, до назначенія на Кавказъ Ермолова, проходитъ въ малой войнѣ, вызываемой защитой границъ Кахетіи отъ вторженія хищныхъ лезгинъ,—и выдающимся эпизодомъ этого времени служитъ лишь хевсурскій походъ, совершенный полкомъ подъ начальствомъ генерала Симоновича,—походъ, который, по трудностямъ перенесеннымъ войсками въ области вѣчныхъ снѣговъ, современники ставили выше альпійскаго похода Суворова.

Съ назначеніемъ Ермолова, кабардинцы участвуютъ съ нимъ въ заложеніи крѣпости Грозной и потомъ Внезапной, гдѣ въ бою при Болтугаѣ дьѣ роты ихъ въ самую критическую минуту битвы не только вырываютъ побѣду изъ рукъ непріятеля, но сами напосятъ ему жестокое пораженіе. Затѣмъ слѣдуетъ кровавый дабы-юртовскій штурмъ, донынѣ живущій въ памяти чеченскаго народа. Четвертая часть кабардинцевъ легла на приступѣ, но аулъ былъ взятъ и разрушенъ до основанія.

Въ промежутокъ времени между постройкою Грозной и заложеніемъ Внезапной, кабардинцы съ Ермоловымъ идутъ въ Дагестанъ, гдѣ рѣшается судьба Мехтулинскаго ханства. Въ бурную ночь Ермоловъ посылаетъ 2-й кабардинскій баталіонъ съ маіорамъ Швецовымъ въ обходъ непріятеля, занявшаго высокую, почти неприступную гору Аскорай, и лаконически говоритъ командиру баталіона: «Помни,—тебѣ нѣтъ оттуда дороги назадъ: я долженъ найти тебя на горѣ живымъ или мертвымъ.» И кабардинцы, исполнивъ завѣтъ Ермолова, скрытно пробираются въ тылъ непріятеля, и одни, безъ поддержки другихъ частей, громятъ 15-ти тысячное

скопище. Съ этихъ поръ Ермоловъ называетъ кабардинцевъ 10 легіономъ, и съ этихъ же поръ имя Кабардинскаго полка во всѣхъ реляціяхъ упоминается имъ съ лестнымъ эпитетомъ «храбрый.» Въ слѣдующемъ, 19 году, кабардинцы участвуютъ въ знаменитой акушинской экспедиціи Ермолова, и здѣсь, въ бою подъ Лавашами, въ послѣдній разъ сражаются подъ своимъ старымъ именемъ: 4-го ноября 1819 года появляется приказъ Ермолова о переименованіи Кабардинскаго полка въ *Ширванскій.*

Съ этимъ новымъ именемъ полкъ переходитъ изъ Дагестана въ Чечню и участвуетъ въ вырубкѣ лѣсовъ подъ начальствомъ извѣстнаго генерала Грекова. Здѣсь памятнымъ эпизодомъ служитъ геройская защита Амиръ-Аджи-юртовскаго укрѣпленія въ апрѣлѣ 1821 года. 25 солдатъ Ширванскаго полка, подъ командою унтеръ-офицера Махонина, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ выдерживаютъ отчаянный приступъ 600 чеченцевъ. Самъ Махонинъ былъ изрубленъ на валу укрѣпленія, 13 ширванцевъ убиты, но 12—отстояли редутъ.

Въ 1822 году Ширванскій полкъ участвуетъ съ Ермоловымъ въ окончательномъ покореніи Большой Кабарды. Чтобы охарактеризовать дѣятельность ширванцевъ въ этомъ, одномъ изъ труднѣйшихъ кавказскихъ походовъ, довольно упомянуть о переходѣ ихъ черезъ Баксанское ущелье. Отвѣсныя каменныя скалы обступаютъ кругомъ эту дикую мѣстность; внизу ревetъ Баксанъ, ворочая вѣковые дубы и огромные камни, а, между тѣмъ, единственная тропа, не шире полуаршина, по которой лѣпятся ширванцы, вдругъ обрывается въ глубокую пропасть. Далѣе дороги нѣтъ—и баталіоны остановились. Тогда изъ рядовъ выходитъ старый ширванецъ и, обращаясь

къ баталіонному командиру, говоритъ: «какъ-же это такъ, ваше высокоблагородіе,—воля ваша, а вернуться назадъ намъ не приходится: еще и примѣра такого не было, чтобы мы не дошли туда, куда послалъ Алексѣй Петровичъ.» И вотъ, по его слову, солдаты бросаютъ въ пропасть шинели и, перекрестясь, спрыгиваютъ съ 12 аршинной высоты. Баталіоны прошли— и, гоня передъ собою бѣгущихъ враговъ, остановились только уже вблизи верховій Баксана, у самой подошвы снѣгового Эльборуса.

Изъ Кабарды Ширванскій полкъ въ 1823 году идетъ опять въ Дагестанъ, усмиряетъ возстаніе, зимуетъ тамъ, и съ началомъ 1824 года снова возвращается на Кубань, гдѣ въ теченіи двухъ лѣтъ безсмѣнно участвуетъ во всѣхъ экспедиціяхъ Вельяминова, Кацырева и князя Бековича-Черкасскаго. Но, посреди разгара военныхъ дѣйствій на Кубани, вспыхнулъ бунтъ въ Кабардѣ, и 2-й баталіонъ Ширванскаго полка, подъ командою подполковника Волжинскаго, экстренно вытребованный изъ дѣйствующихъ отрядовъ, *въ шесть дней проходитъ триста верстъ* и является въ Нальчикъ. Походъ—изумившій своею быстротою даже Ермолова, привыкшаго къ подвигамъ любимаго имъ Ширванскаго полка.

Угасъ бунтъ въ Кабардѣ—возстала поголовно Чечня. Ширванцы съ Ермоловымъ усмиряютъ мятежъ; но едва 2-й баталіонъ лѣтомъ 1826 года возвратился на Кубань, какъ вновь получаетъ приказъ форсированнымъ маршемъ передвинуться въ Грузію, по случаю внезапно начавшейся персидской войны. Объ этомъ замѣчательномъ походѣ сохранилось, между прочимъ, и офиціальное свидѣтельство самого Ермолова. «Всегда видѣлъ я съ особеннымъ уваженіемъ службу подполковника Волжинскаго—говоритъ онъ въ приказѣ по корпу-

су:—и знаю, что для него не существуетъ никакихъ затрудненій, и что тѣ же чувства его подчиненныхъ. Отъ подошвы Эльборуса пришелъ онъ въ Екатериноградъ съ чрезвычайною поспѣшностью, но далѣе скорость его движенія была неимовѣрная. Выступивъ 8-го числа изъ Екатеринограда, онъ 16-го августа уже былъ у самаго Тифлиса»..... Стало быть ширванскій баталіонъ въ эти восемь дней опять прошелъ болѣе 300 верстъ, притомъ съ трудпымъ переваломъ черезъ Кавказскія горы.

Въ персидской кампаніи 1826 года участвуютъ два баталіона Ширванскаго полка; одинъ изъ нихъ—3-й, не имѣвшій случая принимать участія въ ермоловскихъ походахъ, и все время остававшійся въ своей штабъ-квартирѣ, ознаменовываетъ себя безпримѣрными подвигами на поляхъ Шамхора и въ битвѣ подъ Елисаветполемъ, гдѣ храбрый командиръ Ширванскаго полка подполковникъ Грековъ убитъ въ рукопашной свалкѣ, во главѣ своихъ ширванцевъ. Въ то же время 2-й баталіонъ, подполковника Волжинскаго, участвуетъ съ самимъ Ермоловымъ въ усмиреніи татарскихъ ханствъ и джарскихъ лезгиновъ.

Кампанія 1827 года открывается блистательнымъ дѣломъ Ширванскаго полка подъ Айгалами, вблизи Эчміадзинскаго монастыря, и затѣмъ полкъ участвуетъ подъ Аббасъ-Абадомъ, въ джеванъ-булахскомъ бою, подъ Сардарь-Абадомъ и Эриванью. Наградою полку за дѣйствіе его противу горцевъ и противъ персіянъ, и въ особенности за Елисаветполь, служатъ знаки на кивера «За отличіе.»

За персидскою войною непосредственно слѣдуетъ война турецкая. Ширванскій полкъ выступаетъ въ походъ подъ командою полковника Бородина, и ознаменовываетъ себя на

штурмахъ Карса и Ахалкалакъ такими доблестными подвигами, что Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ Бородину орденъ св. Георгія 3-го класса и назначилъ Паскевича шефомъ Ширванскаго полка, «какъ болѣе всѣхъ ознаменовавшаго себя подъ его начальствомъ» *). Въ то же время Государь писалъ изъ подъ Варны барону Дибичу: «нашъ храбрый Паскевичъ опять одержалъ блестящіе успѣхи: Ахалкалаки взяты штурмомъ однимъ баталіономъ Ширванскаго полка. Я даю Ширванскій полкъ Паскевичу—*они достойны другъ друга.*»

Въ битвѣ 9-го августа, при разгромѣ вспомогательнаго турецкаго корпуса подъ стѣнами Ахалцыха, на долю ширванцевъ выпадаетъ блистательное участіе въ штурмѣ большого турецкаго люнета, паденіе котораго послужило сигналомъ къ общему пораженію непріятеля.

Затѣмъ наступаетъ штурмъ грознаго Ахалцыха. Передъ вечеромъ 14-го августа, объѣзжая по обыкновенію лагерь, Паскевичъ остановился у Ширванскаго полка и, поздоровавшись съ людьми, сказалъ: «а завтра, братцы, городъ надо взять». «Возьмемъ, ваше сіятельство!» отвѣчали ширванцы съ такимъ единодушіемъ, что полковникъ Бородинъ тутъ-же просилъ Паскевича предоставить полку славу и опасность первой атаки.

Штурмъ начался въ четыре часа пополудни 15-го августа, въ самый день полковаго праздника Ширванскаго полка. Подъ градомъ пуль и картечи два баталіона его, предводимые Бородинымъ, съ распущенными знаменами и музыкою, двинулись на непріятельскую крѣпость. «Пѣсенники впе-

*) Подлинныя слова Государя въ рескриптѣ на имя графа Паскевича.

редъ!» скомандовалъ Бородинъ—и, подъ веселый мотивъ русской пѣсни «не будите меня молоду ранымъ—рано поутру,»—ширванцы устремились на приступъ.... Чтобы дать понятіе о духѣ Ширванскаго полка, довольно привести отвѣтъ, сдѣланный однимъ изъ его солдатъ графу Паскевичу. Замѣтивъ ширванца, бѣжавшаго мимо съ какимъ-то приказаніемъ, Паскевичъ подозвалъ его къ себѣ и спросилъ: «откуда?»—«изъ крѣпости, ваше сіятельство!» бойко отвѣчалъ запыхавшійся ширванецъ. «Ну что, каково тамъ?»—«жарко, ваше сіятельство!»—«А что турки?»—«Трудно съ ними справиться—упрямятся, ваше сіятельство.» «Знаю, они молодцы, не поддавайтесь ребята.»—«Молодцы-то молодцы, ваше сіятельство; да изъ чего они бьются-то? вѣдь знаютъ, что мы назадъ не попятимъ.»

Эта простая рѣшимость солдата—лечь костьми на своемъ посту, должна была дѣйствовать на всѣхъ возбуждающимъ образомъ. Съ такими солдатами Паскевичъ не боялся за исходъ сраженія.

Страшенъ былъ бой за обладаніе городомъ; храбрый Бородинъ былъ убитъ, болѣе трети ширванцевъ сложили свои головы, ширванскія знамена были пробиты семью картечами,—но городъ былъ взятъ, и къ утру Паскевичъ въѣхалъ въ покоренную крѣпость. Поровнявшись съ Ширванскимъ полкомъ, онъ благодарилъ его за доблестную службу и между прочимъ спросилъ: «а много-ли васъ, ребята, осталось?»—Штурма на два достанетъ, ваше сіятельство!» бойко отвѣчалъ одинъ изъ ширванцевъ.

За штурмъ Ахалцыха Ширванскій полкъ получилъ георгіевскія трубы и Высочайшимъ приказомъ 13-го сентября 1828 года полку повелѣно именоваться *пѣхотнымъ полкомъ*

графа Паскевича Эриванскаго.

Паскевичъ съ признательностію принялъ эту высокую награду. Когда ширванцы пили за здоровье новаго шефа, Паскевичъ сталъ посреди пирующихъ и громко сказалъ:

«Благодарю васъ, друзья мои! Мнѣ пріятно раздѣлить съ вами радость въ тѣхъ мѣстахъ, которыя вы пріобрѣли своею храбростью. Я старый воинъ и смѣло могу сказать, что вы, ширванцы, показали рѣдкій примѣръ въ военномъ дѣлѣ. Вы хладнокровно, сомкнутыми колоннами, съ пѣснями, пошли на приступъ. Турки пустили въ васъ дождь пуль и картечи: знамена ваши были пробиты, многіе свалились отъ перваго залпа, другіе замѣнили падшихъ товарищей, и вы—ружье на перевѣсъ—ворвались въ городъ безъ выстрѣла. Слѣдуйте и всегда этому правилу. Стрѣльба—знакъ робости, которая ободряетъ непріятеля; храброе, хладнокровное приближеніе безъ выстрѣла—всегда приведетъ его въ трепетъ. Вашъ командиръ, полковникъ Бородинъ, повелъ васъ молодцомъ—честь и слава покойному! Я много служилъ на полѣ чести, но видѣлъ только два подобныхъ примѣра—оба въ войну 12-го года!»

Восторгу солдатъ не было предѣловъ—они сознавали въ эти минуты, что не знаютъ равныхъ себѣ. И это чувство рѣзкою характерною чертою прошло черезъ всю исторію Ширванскаго полка до нашего времени.

Съ этихъ поръ въ длинной эпопеѣ кавказской войны Ширванскій полкъ такъ и становится извѣстнымъ подъ именемъ «графцевъ».

Въ 1829 году, среди суровой зимы, огромныя непріятельскія силы облагаютъ Ахалцыхъ, и Ширванскому полку пришлось теперь отстаивать то, что было добыто ими нѣ-

сколько мѣсяцевъ тому назадъ потоками крови. 12-ть дней длилась осада; но ширванцы, говоря словами офиціальнаго приказа, «доказали, что умѣютъ такъ же оборонять крѣпости, какъ умѣютъ брать ихъ.» Непріятель былъ отбитъ и славная защита Ахалцыха составила одну изъ лучшихъ страницъ въ исторіи кавказской войны.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ полкъ изъ Ахалцыха переходитъ въ Арзерумъ, въ составъ главнаго дѣйствующаго корпуса и заканчиваетъ турецкую войну двумя памятными боями подъ Хартомъ и Бейбуртомъ.

За отличія, оказанныя въ теченіи войнъ 1826—1829 годовъ, полку пожалованъ «гренадерскій бой.» По окончаніи турецкой кампаніи полкъ возвратился въ Царскіе-Колодцы, въ свою штабъ-квартиру, которую первые два баталіона не видѣли около 12-ти лѣтъ, находясь въ постоянныхъ походахъ съ Ермоловымъ и Паскевичемъ. Четыре слѣдующіе года прошли опять въ защитѣ Кахетіи отъ хищныхъ лезгинъ и выдающимися эпизодами этого времени служатъ: защита ширванцами, подъ командою маіора Бучкіева, Бѣлоканскаго редута на Лезгинской линіи противъ Шихъ-Шабана и штурмъ Закаталъ, на мѣстѣ которыхъ тогда-же построено русское укрѣпленіе.

Такъ прошло время до 1834 года, когда послѣдовало общее переформированіе Кавказскаго корпуса. Всѣ полки приведены были въ пяти-баталіонный составъ, а потому и къ прежнимъ тремъ баталіонамъ Ширванскаго полка прибавлены были еще два: одинъ изъ Херсонскаго гренадерскаго, а другой изъ 42-го егерскаго полковъ; вмѣстѣ съ послѣднимъ поступило и знамя, пожалованное ему «за оборону Шуши.» Вслѣдъ за тѣмъ полкъ передвинутъ былъ изъ Кахетіи въ

Южный Дагестанъ, и нѣсколько лѣтъ простоялъ въ Кубѣ при самыхъ неблагопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ. Довольно сказать, что по отчетамъ съ 1-го января 1839 года по 1-е сентября 1840 года въ графскомъ полку умерло 1861 человѣкъ, такъ тяжко отозвалась на здоровьѣ людей тѣснота зимнихъ помѣщеній въ темныхъ и грязныхъ татарскихъ буйволятникахъ.

Не имѣя возможности прослѣдить всѣ дѣла, въ которыхъ полкъ принималъ участіе въ теченіи послѣднихъ 30 лѣтъ кавказской войны, остановимся на важнѣйшихъ моментахъ полковой исторіи,—но и ихъ такъ много, что, почти, рѣдкій годъ не ознаменовывается какими нибудь крупными, вполнѣ историческими событіями.

Еще до перехода въ Кубу въ 1835 году, три баталіона Ширванскаго полка уже приходили въ Дагестанъ съ Лезгинской линіи и, находясь въ отрядѣ генерала Клугенау, разорили Гимры; въ слѣдующемъ году они участвовали въ блистательной побѣдѣ при взятіи и истребленіи Гоцатля, а въ 1837-мъ г. 2-й и 3-й баталіоны графскаго полка поступаютъ въ составъ отряда генерала Фези, назначеннаго для занятія Аваріи. Здѣсь 3-й баталіонъ участвуетъ въ кровавыхъ бояхъ при Ашильтѣ и Ахульго; 2-й—маіора Дягилева, блокируетъ Телитль. Положеніе этого послѣдняго отряда, стоявшаго лицомъ-къ-лицу съ самимъ Шамилемъ, запершимся въ телитлинскомъ замкѣ, было весьма опасно; и дѣйствительно, въ ночь съ 7 на 8 іюня горцы сдѣлали сильную вылазку и всѣми силами обрушились на лагерь графскаго баталіона. Нѣсколько часовъ шелъ рукопашный бой грудь съ грудью. Графцы блистательно отстояли позицію и преслѣдовали отбитыя толпы до самаго Телитля съ такимъ увлеченіемъ, что полезли

уже на самыя стѣны тилитлинскаго замка, и только отбой, данный начальникомъ отряда, подполковникомъ Бучкіевымъ, заставилъ ихъ остановиться и отойти на позиціи. Въ этомъ жестокомъ бою храбрый маіоръ Дягилевъ былъ раненъ и, кромѣ его, 6 офицеровъ и 275 нижнихъ чиновъ выбыло изъ одного пятисотеннаго баталіона.

Въ концѣ іюня подъ Телитлемъ соединился весь аварскій отрядъ генерала Фези и 5 іюля назначенъ былъ штурмъ тилитлинскаго замка. Шесть ротъ графскаго полка, подъ командою подполковника Бучкіева, составляли правую штурмовую колонну. Едва забрезжился свѣтъ, какъ грянула сигнальная пушка, и графцы, безмолвно стоявшіе до тѣхъ поръ подъ ружьемъ, безъ выстрѣла, съ крикомъ ура ринулись на приступъ. Первою ворвалась въ селеніе 5-я рота подпоручика князя Авалова. Тогда начался ожесточенный бой за обладаніе каждою оградою, каждымъ домомъ и каждымъ подваломъ. Повторились всѣ ужасы ахалцыхскаго штурма; изступленные мюриды защищали своего имама отчаянно, и Богъ знаетъ до какой цыфры возрасли бы наши потери, если-бы, посреди разгара штурма, на замкѣ вдругъ не развѣилось бы бѣлое знамя. Тотчасъ ударили отбой. Шамиль вступилъ въ переговоры и выдалъ въ залогъ покорности въ аманаты своего племянника.

Аварская экспедиція окончилась. Оба графскіе баталіона двинулись отсюда форсированнымъ маршемъ въ Самурскій округъ, гдѣ мятежъ разлился широкою волною, и самая Куба находилась въ блокадѣ. По освобожденіи Кубы, къ отряду присоединился еще 1-й баталіонъ графскаго полка и Фези двинулся для усмиренія верхнихъ кубинскихъ магаловъ. Здѣсь шесть ротъ графцевъ опять участвуютъ въ штурмѣ

неприступной аджіахурской позиціи; но взятіе ее приступомъ послужило только началомъ пятидневнаго кроваваго боя. Непріятель всѣми силами стремится отнять эту важную позицію, но всѣ попытки его сокрушаются о стойкость трехъ графскихъ баталіоновъ. Отсюда отрядъ переносится къ Зырянамъ и графскіе баталіоны штурмуютъ плато Бахули-Сивахъ, занятое самимъ Шамилемъ. Этимъ и заканчивается экспедиція Фези.

Въ слѣдующемъ 39 году четыре баталіона графскаго полка опять сосредоточиваются въ Самурскомъ округѣ, вторично штурмуютъ грозныя Аджіахурскія высоты на глазахъ корпуснаго командира, генерала Головина, и затѣмъ, пока одинъ баталіонъ занимается здѣсь возведеніемъ Ахтинскаго укрѣпленія, три остальные, подъ личною командою командира полка, полковника барона Врангеля, форсированнымъ маршемъ переносятся къ Ахульго, осажденному генераломъ Граббе. Они поспѣли какъ-разъ ко времени перваго приступа, и 16 іюня назначены въ штурмовую колонну. Подъ страшнымъ огнемъ непріятеля три графскіе баталіона скатываются внизъ въ страшную кручу, взбираются на отвѣсный утесъ и 1-й баталіонъ кидается на приступъ новаго Ахульго; два остальные подоспѣваютъ къ нему на помощь,—и въ нѣсколько минутъ занимаютъ ровъ и боковыя башни. Но здѣсь, столпившійся на тѣсной площадкѣ, полкъ попадаетъ подъ перекрестный огонь непріятеля. Напрасно баталіоны, увлекаемые примѣромъ отважнаго командира, стремятся проложить себѣ дорогу впередъ,—передъ ними новый еще болѣе глубокій ровъ, защищенный двухъ-саженнымъ капонпромъ, а пули градомъ сыплются на нихъ изъ бойницъ и завалова. Храбрый баронъ Врангель тяжело раненъ пулею въ грудь навы-

летъ; баталіоны остаются буквально безъ офицеровъ и безотвѣтно, какъ часовой на посту, гибнутъ на мѣстѣ, не будучи даже въ состояніи поражать закрытаго врага. До самой ночи держутся они на занятой ими позиціи, но, наконецъ, подъ покровомъ глубокаго мрака, отходятъ назадъ, вынося своихъ убитыхъ и раненыхъ. Командиръ полка, 36 офицеровъ и до 800 нижнихъ чиновъ (изъ 1500 участвовавшихъ въ штурмѣ) выбыли изъ строя храбрыхъ ширванцевъ. Разстроенные баталіоны, оставшіеся безъ начальниковъ, уже не могли принять участія въ послѣдующихъ штурмахъ; но они, облившіе своею кровью ахульгинскіе скалы, проложили другимъ войскамъ путь къ побѣдѣ.

Еще не отдохнули графцы отъ страшнаго ахульгинскаго штурма, какъ въ слѣдующемъ 1840 году первые два баталіона ихъ потребованы въ Чечню и участвуютъ съ отрядомъ генерала Галафѣева въ не менѣе кровавыхъ бояхъ при Гехѣ и Валерикѣ. *) Въ то же самое время три роты 3-го баталіона, оставшіяся въ Дагестанѣ, ознаменовываютъ себя блистательнымъ подвигомъ въ извѣстномъ шкартинскомъ дѣлѣ генерала Клугенау, гдѣ 800 русскихъ штыковъ наголову разбиваютъ 9-ти тысячное скопище самого Шамиля.

Въ 1841 году 1-й баталіонъ графцевъ отличается при взятіи Хубарскихъ высотъ въ отрядѣ корпуснаго командира, генерала Головина, а въ 1842-мъ баталіоны его участвуютъ въ извѣстной ичкерпнской экспедиціи генерала Граббе, памятной громадными потерями, понесенными войсками при проходѣ черезъ Ичкерпнскій лѣсъ. Въ томъ же году старое имя ширванцевъ тѣсно сливается со славною защитою Казикумыкскаго ханства

*) Бой подъ Валерикомъ извѣстенъ цѣлой Россіи по безсмертному произведенію Лермонтова «Валерикъ».

и съ первыми блистательными дѣйствіями въ Дагестанѣ князя Аргутинскаго-Долгорукова. Въ этомъ году Шамиль вторгнулся въ Казикумыкское ханство, и шесть тысячъ горцевъ двинулись на селеніе Рича, занятое четвертою ротою графскаго полка и ротою піонернаго баталіона. 1-го мая началась отчаянная битва. Начальникъ отряда маіоръ князь Орбеліани, объѣзжая ряды, указывалъ на виднѣвшіяся вдалекѣ высоты Чираха ознаменованныя геройскимъ подвигомъ извѣстнаго Овечкина и, ободряя людей, требовалъ отстоять позицію или умереть со славою. Приступъ за приступомъ шелъ втеченіи цѣлаго дня и, въ концѣ-концовъ, шесть тысячъ отчаянныхъ мюридовъ должны были отступить передъ двумя слабыми ротами; но изъ 130 ширванцевъ, стоявшихъ въ строю, болѣе пятидесяти запечатлѣли кровью исполненіе священнаго долга. Ричинское дѣло, надолго оставшееся въ памяти горцевъ, было предвѣстникомъ громкой кюлюлинской побѣды, которая смирила Казикумыкское ханство и начала собою блистательную дѣятельность въ Дагестанѣ князя Аргутинскаго-Долгорукова.

Наступилъ 1843 годъ, памятный для насъ роковыми неудачами, и тѣмъ не менѣе особенно обильный подвигами графскаго полка, ознаменовавшаго себя и въ Южномъ и въ Среднемъ и въ Сѣверномъ Дагестанѣ.

Когда гроза разразилась надъ Аварісй и самъ командующій войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, генералъ Клугенау, былъ запертъ въ Хунзахѣ, самурскій отрядъ князя Аргутинскаго поспѣваетъ къ нему на помощь. Первые три баталіона графскаго полка участвуютъ въ дѣлѣ подъ Руджей и потомъ на штурмѣ Гоцатлинскихъ высотъ. Въ этомъ послѣднемъ бою особенно отличается 4-я гренадерская рота *) штабсъ-капи-

*) Эта рота находилась во время похода въ составѣ 3-го баталіона.

тана Бибанова. Она дѣйствуетъ съ такою энергіею, съ такимъ мужествомъ и хладнокровіемъ, что князь Аргутинскій, любуясь ею, сказалъ окружающимъ: «честью клянусь, еслибы отъ меня зависѣло, я далъ-бы Бибанову два чина!». Эти слова были пророческія,—и не прошло шести недѣль, какъ Бибановъ дѣйствительно заслужилъ эту высокую награду. Штурмъ Гоцатлинскихъ высотъ открылъ Аргутинскому свободный выходъ на Аварское плато,—и Шамиль долженъ былъ снять блокаду Хунзаха. Съ этихъ поръ всѣ три баталіона графскаго полка поступаютъ уже въ составъ аварскаго отряда,—и два изъ нихъ выдерживаютъ въ отрядѣ Пассека извѣстную всѣмъ блокаду въ Зырянахъ, составляющую одинъ изъ самыхъ памятныхъ моментовъ кавказской войны; но еще большая слава выпадаетъ на долю 4-й гренадерской роты, которая подъ командою штабсъ-капитана Бибанова отстаиваетъ Низовое укрѣпленіе. Восемь дней и восемъ ночей не сходитъ эта рота съ валовъ укрѣпленія и отражаетъ два яростные приступа; а когда разсвѣтъ 19-го ноября открылъ непріятельскія апроши всего въ десяти шагахъ отъ крѣпостного рва, графцы, считая этотъ день послѣднимъ въ своей жизни, рѣшились взорвать укрѣпленіе и лечь подъ его развалинами. Съ этого цѣлью, въ ожиданіи послѣдняго приступа, всѣ женщины, дѣти, больные и раненые собраны были на крышѣ порохового погреба. Первый натискъ враговъ—и храбрый гарнизонъ вмѣстѣ съ тысячами горцевъ взлетѣлъ бы на воздухъ. Но Низовое въ тотъ же день было спасено генераломъ Фрейтагомъ. Бибановъ изъ штабсъ-капитановъ произведенъ прямо въ маіоры и получилъ орденъ св. Георгія 4 степени.

Слѣдующіе три года 44, 45 и 46 проходятъ для графцевъ въ постоянныхъ тревогахъ, а 2-й баталіонъ, подъ

командою капитана Левина, ознаменовываетъ себя блистательнымъ штурмомъ тилитлинскихъ заваловъ, защищаемыхъ Хаджи-Муратомъ. Это было 24 іюля 1845 года. Левинъ, впереди всѣхъ бросившійся на приступъ, былъ убитъ; но графцы по слѣдамъ его ворвались въ завалъ, штыками отстояли тѣло любимаго начальника и вынесли его изъ боя.

Въ это-же время полкъ окончательно покидаетъ Кубу и переходитъ въ Кусары, гдѣ устраиваетъ штабъ-квартиру, въ которой остается и понынѣ. Въ 1847 году два баталіона графскаго полка участвуютъ съ дагестанскимъ отрядомъ въ осадѣ Гергебиля. На штурмѣ этого селенія 4 іюня, во главѣ штурмующихъ войскъ идутъ два баталіона—одинъ изъ нихъ графскаго полка, подъ командою Бибанова. Показать болѣе геройства, какое показали два эти баталіона на штурмѣ Гергебиля—нельзя. И несмотря на все это штурмъ не удался. Бибановъ былъ раненъ, всѣ офицеры графскаго баталіона выбыли изъ фронта, третья часть нижнихъ чиновъ легла внутри укрѣпленія и, можетъ быть, тамъ-же остался бы и весь баталіонъ Бибанова, если бы князь Воронцовъ не приказалъ отвести войска назадъ на позицію. Осада Гергебиля была снята и войска перешли къ Салтамъ.

Здѣсь выдающимся эпизодомъ службы графскаго полка служитъ бой за обладаніе салтинскими садами. Они были заняты 22 августа третьимъ баталіономъ графскаго полка, опять подъ командою Бибанова. Въ ту же ночь горцы сдѣлали отчаянную вылазку; семь приступовъ одинъ за другимъ были отбиты графцами; позицію отстояли блистательно, но здѣсь-же, въ числѣ другихъ храбрецовъ, нашелъ себѣ геройскую смерть и Бибановъ—извѣстный защитникъ Низового.

На слѣдующій годъ графскіе баталіоны опять являются

подъ Гергебилемъ. На этотъ разъ, не выдержавъ правильной осады, крѣпость пала, не принявъ рѣшительнаго штурма, и потому графцамъ не удалось отплатить врагамъ кровью за кровь; но блистательные подвиги ждали ихъ еще впереди. Потерявъ Гергебиль, Шамиль всѣми силами обрушился осенью 1848 года на Самурскій округъ и осадилъ Ахты, защита которыхъ выпала на долю 5-й гренадерской роты графскаго полка. Молодецкая рота эта, поспѣшая на помощь, сдѣлала въ ночь съ 13-го на 14-е сентября 70-ть верстъ, пробилась сквозь непріятеля и явилась въ Ахты, весь гарнизонъ которыхъ состоялъ до этого изъ двухъ слабыхъ ротъ линейнаго баталіона. Съ ней прибылъ волонтеромъ и капитанъ графскаго полка Новоселовъ. При самомъ началѣ осады комендантъ укрѣпленія, полковникъ Ротъ, былъ раненъ, и Новоселовъ заступилъ его мѣсто. Геройская защита Ахтовъ извѣстна цѣлой Россіи, и князь Воронцовъ справедливо говоритъ въ своемъ донесеніи Государю, что она равняется съ самыми блистательными дѣйствіями съ тѣхъ поръ, какъ русскіе занимаютъ Кавказъ.

Но въ ту минуту, когда Ахты бились уже въ предсмертной агоніи, на выручку къ нимъ подошелъ отрядъ князя Аргутинскаго,—и три баталіона графскаго полка получили приказаніе взять штурмомъ крѣпкую мискинджинскую позицію. Баталіоны: полковника Пирогова, подполковника Кишинскаго и маіора Алтухова двинулись на приступъ, подъ личною командою полкового командира, полковника Машокина. Это былъ также одинъ изъ блистательнѣйшихъ кавказскихъ приступовъ. Мискинджи были взяты, главныя силы Шамиля разбиты наголову и Ахты выручены. Графскіе баталіоны потеряли 160 нижнихъ чиновъ и шесть офицеровъ, въ числѣ которыхъ

былъ тяжело раненъ извѣстный впослѣдствіи кавказскій генералъ —тогда командиръ 5-й мушкатерской роты, штабсъ-капитанъ Иванъ Давидовичъ Лазаревъ.

Капитанъ Новоселовъ, защищавшій Ахты и раненный при взрывѣ порохового погреба, награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени и произведенъ въ маіоры и въ подполковники.

Въ 1849 году графцы находятся при осадѣ Чоха, а по роспускѣ отряда, 2-й и 3-й баталіоны принимаютъ участіе въ жаркомъ бою при отраженіи Шамиля, пытавшагося вторгнуться въ Казикумыкское ханство. 1850 годъ, ознаменованный проѣздомъ черезъ Дагестанъ Государя Наслѣдника Цесаревича, прошелъ относительно спокойно, безъ выдающихся военныхъ дѣйствій, а въ слѣдующемъ, 1851 году, два баталіона графцевъ участвовали, подъ личнымъ начальствомъ князя Аргутинскаго, въ пораженіи Хаджи-Мурата, пытавшагося возмутить Кайтагъ и Табасарань.

1852 годъ памятенъ въ жизни графскаго полка кровавымъ штурмомъ аула Шелеги, гдѣ засѣлъ Букъ-Магометъ съ 80-ью мюридами. Истребленіе этой партіи, имѣвшей громадное значеніе для всего Кайтага, было возложено на генералъ-маіора Суслова. Аулъ былъ взятъ приступомъ тремя баталіонами графцевъ и однимъ самурскимъ; но, несмотря на малочисленность враговъ, штурмъ этотъ стоилъ намъ болѣе пятисотъ нижнихъ чиновъ, выбывшими изъ фронта, и только въ двухъ графскихъ баталіонахъ, 1-мъ и 4-мъ,—двѣнадцать офицеровъ было убито и ранено. Партія была истреблена, израненый Букъ-Магометъ взятъ въ плѣнъ, и въ добычу графцамъ досталась сѣкира, пожалованная ему Шамилемъ, и всѣ шесть значковъ, бывшіе при его партіи.

Въ августѣ 1853 года 2-й баталіонъ участвуетъ въ

отраженіи набѣга горцевъ, сильная партія которыхъ въ одномъ изъ магаловъ Джаро-Бѣлоканскаго округа захватила стада, табуны и 14 т. барановъ. Графцы настигли партію у с. Борчъ и отбили назадъ всю добычу. Но славнѣйшій подвигъ графскаго полка былъ совершенъ въ сентябрѣ того-же 1853 года, когда четыре баталіона его, подъ личнымъ предводительствомъ князя Аргутинскаго, безъ дорогъ, переходятъ вѣковѣчные снѣга Гутуръ-дага, и своимъ неожиданнымъ появленіемъ по ту сторону главнаго Кавказскаго хребта, спасаютъ небольшое укрѣпленіе Мессельдигеръ, осажденное Шамилемъ. Семь дней пришлось употребить на то, чтобы перебраться черезъ боковые отроги и достигнуть наконецъ подошвы самаго Гутуръ-дага. Отсюда, шагъ за шагомъ, утопая въ снѣгу, стали подниматься ширванцы уже безъ привала и отдыха. Тяжело, но безропотно дышала грудь солдата подъ тяжелою ношей и, несмотря на усиливающійся морозъ, потъ ручьями катился по его загорѣлому, мужественному лицу,—а онъ автоматически-мѣрно шагалъ и шагалъ по крутому подъему.

Уже былъ поздній вечеръ, когда баталіоны достигли наконецъ вершины Гутуръ-дага и стали на высотѣ 14-ти тысячъ футовъ. Рѣзкій воздухъ затруднялъ дыханіе, морозъ усиливался, вѣтеръ крѣпчалъ и угрожалъ снѣговою метелью. Спускаться внизъ по узкому карнизу, лѣпившемуся надъ бездной, когда темная ночь окутала окрестность, было крайне рискованно и пришлось ночевать на вершинѣ. Положеніе отряда было въ высшей степени бѣдственное. Стоило только прилечь и вздремнуть, чтобы заснуть вѣчнымъ сномъ—и людямъ не позволяли даже садиться; приказано было, напротивъ, бѣгать, играть, плясать, пѣть пѣсни. И ширванцы голодные, утом-

ленные до изнеможенія физическихъ силъ, и бѣгали, и плясали,—и русская веселая пѣсня не умолкала среди вѣковѣчныхъ снѣговъ до самаго разсвѣта. Несмотря однако же на всѣ предосторожности, многіе пообморозились, а иныхъ и закопали въ снѣгахъ Гутуръ-дага. Чтобы оцѣнить тѣ трудности, которыя были перенесены войсками въ этой экспедиціи, довольно сказать, что князь Воронцовъ, умѣвшій достойно цѣнить доблестные подвиги, въ офиціальномъ приказѣ своемъ назвалъ этотъ походъ «историческимъ и безпримѣрнымъ».

Съ Лезгинской линіи два баталіона графцевъ возвратились уже окружнымъ путемъ черезъ Самурскій округъ въ Кумухъ, а два отправились прямо въ Азіятскую Турцію, гдѣ, достойно своей исторической славы, и закончили 1853 годъ участіемъ въ башъ-кадыкъ-ларской битвѣ.

Послѣдующіе три года 1854—1856 проходятъ въ Дагестанѣ въ безпрерывныхъ стычкахъ при отраженіи набѣговъ и въ постоянныхъ передвиженіяхъ, а баталіоны, находящіеся въ Азіятской Турціи участвуютъ въ славномъ бою на Чингильскихъ высотахъ, потомъ при взятіи Баязета и при Керпи-кевѣ.

Въ 1856 году, 20 января, по случаю кончины фельдмаршала князя Паскевича, полкъ переименовывается опять въ Ширванскій, а 19 апрѣля того-же года въ Ширванскій Его Императорскаго Высочества Великаго князя Николая Константиновича.

Затѣмъ начинается участіе Ширванскаго полка въ окончательномъ покореніи Восточнаго Кавказа, закончившимся Гунибомъ. 25 августа 1859 года палъ этотъ послѣдній оплотъ Шамиля, и въ штурмѣ его блистательное участіе принимаютъ 2 и 3 баталіоны Ширванскаго полка. Ширванцы кидаются

на приступъ оборонительной стѣны, воздвигнутой съ восточной стороны Гунiба и послѣ рукопашной схватки овладѣваютъ, какъ ею, такъ и послѣднею батареею Шамиля. За отличiе въ этомъ бою третьему баталiону Ширванскаго полка пожаловано георгiевское знамя съ надписью: «за штурмъ Гунiбъ-дага 25 августа 1859 года.»

Во время рукопашной схватки, въ глубокихъ пещерахъ, при истребленiи послѣдней партiи мюридовъ на Гунiбѣ, ширванцы нашли покинутаго грудного ребенка. Командиръ полка, полковникъ Капаповичъ, взялъ малютку къ себѣ, окрестилъ ее, далъ ей чтимое въ Грузiи имя Нины, а офицеры Ширванскаго полка обязались выплачивать ежегодно по нѣсколько процентовъ изъ свого содержанiя до совершеннолѣтiя дѣвочки. Такимъ образомъ маленькая лезгинка, уроженка аула Гунибъ, стала въ истинномъ смыслѣ дочерью полка и по имени его названа Нипою Ширванскою.

По окончанiи войны на Восточномъ Кавказѣ, стрѣлковыя роты Ширванскаго полка переходятъ на правый флангъ и участвуютъ въ покоренiи Западнаго Кавказа,—памятникомъ чего служатъ, пожалованные имъ, георгiевскiе серебряные рожки съ надписью: «за отличiе при покоренiи Западнаго Кавказа.» Между тѣмъ полкъ въ это время переформировывается въ четырехъ баталiонный составъ, и одинъ баталiонъ его назначается во вновь формируемый Владикавказскiй пѣхотный полкъ; а 25 марта 1864 г. Ширванскому полку присвоивается № 84-й.

Оканчивается вѣковая кавказская войпа и Ширванскiй полкъ появляется на той сторонѣ Каспiйскаго моря. Онъ участвуетъ въ хивинскомъ походѣ, съ тѣмъ же мужествомъ преодолѣвая страшно-знойныя песчаныя пространства, съ ка-

кимъ нѣкогда преодолѣвалъ вѣковѣчные снѣга на заоблачныхъ высяхъ Кавказа. Съ безпримѣрнымъ героизмомъ двѣ роты Ширванскаго полка переносятъ катастрофу Маркозовскаго отряда и три роты: 1, 2 и 3 стрѣлковыя, въ колоннѣ генерала Ломакина достигаютъ Хивы и берутъ штурмомъ городъ, памятный въ преданіяхъ русскаго народа и гибелью Бековича и неудачами Перовскаго.

Наградою этимъ ротамъ служатъ георгіевскіе серебряные рожки, на которыхъ къ прежнимъ надписямъ «за покореніе Кавказа» прибавляется новая надпись: «За отличіе въ хивинскомъ походѣ 1873 года.»

Въ 1877 году, во время возстанія въ Дагестанѣ, три баталіона Ширванскаго полка охраняютъ Алазанскую долину и и одинъ дѣйствуетъ въ Нагорномъ Дагестанѣ, гдѣ участвуетъ въ разгромѣ Цудахара и въ штурмѣ Согратло—въ двухъ важнѣйшихъ дѣлахъ этой эпохи. Затѣмъ боевая хроника полка заканчивается походомъ подъ Геокъ-тепе въ 1879 году и блистательнымъ штурмомъ этой крѣпости 12 января 1881 года, подъ начальствомъ генерала Скобелева. Ширванцы дѣйствуютъ въ колоннѣ полковника Куропаткина и въ часъ пополудни знамя 3 баталіона уже развѣвается на вершинѣ Денгиль-тепе. 2-я рота овладѣваетъ текинскимъ орудіемъ и вмѣстѣ съ частью апшеронцевъ отбиваетъ назадъ знамя Апшеронскаго полка, потерянное въ кровавомъ бою 28 декабря 1880 года.

Рядъ Царскихъ наградъ, жалуемыхъ полку въ теченіи его долгой боевой службы, завершается слѣдующими наградами:

За усмиреніе Дагестана—петлицы за военныя отличія на штабъ и оберъ-офицерскіе мундиры, а за ахалъ-текинскій походъ 1-му и 3-му баталіонамъ знаки отличія на головные

уборы съ надписью; «За взятіе штурмомъ крѣпости Геокъ-тепе 12 января 1881 года.» Это уже вторые знаки, первые полкъ получилъ за персидскую войну 1826 года—за Шамхоръ и Елисаветполь.

Въ заключеніе полковой хроники остается добавить, что Высочайшимъ приказомъ 5 августа 1878 года Ширванскому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Константиновича полку повелѣно именоваться попрежнему—*Ширванскимъ* пѣхотнымъ полкомъ.

V

ДАГЕСТАНСКІЙ КОННО-ИРРЕГУЛЯРНЫЙ ПОЛКЪ.

Суровое ученіе мюридизма и деспотическое правленіе Шамиля, властно распоряжавшагося въ горахъ и жизнію и собственностію людей, достигли въ 1840 году высшаго своего проявленія.

Многимъ горцамъ, привыкшимъ къ безусловной свободѣ и не отуманеннымъ въ-конецъ фанатизмомъ, стало невмочь выносить на себѣ это двойное иго, и они бѣжали къ русскимъ. 50 семействъ выходцевъ изъ Гумбета и Караты явились тогда къ намъ въ Аварію. Люди эти едва успѣли захватить съ собою оружіе и бросили все имущество, а нѣкоторые покинули женъ, дѣтей и родныхъ, которые немедленно сдѣлались жертвою жестокаго мщенія имама.

Теперь, когда кровь легла между Шамилемъ и этими обездоленными выходцами, когда взаимная ненависть раздѣлила ихъ непроходимой пропастью—всѣ они поступаютъ въ ряды аварской милиціи и становятся передовыми бойцами за русское дѣло. Въ 1843 году, какъ извѣстно, Аварія намъ измѣнила, но эта горсть рѣшительныхъ, храбрыхъ людей, нашедшая въ себѣ мужество открыто выступить на борьбу съ мюридизмомъ—одна осталась намъ вѣрною, примкнула къ нашимъ войскамъ и въ мѣстѣ съ ними дѣлила тяжелое, почти безвыходное положеніе. Немногочисленна была эта вѣрная горсть, всего 30—40 человѣкъ, но незамѣнимыя услуги оказала она отряду Пассека во время бѣдственной блокады Зы-

рянъ, гдѣ на ней исключительно лежала трудная развѣдочная служба.

По прибытіи къ Шуру, всѣ аварскіе выходцы были зачислены въ составъ особой команды «постоянныхъ дагестанскихъ всадниковъ», которые держались при войскахъ въ качествѣ проводниковъ, лазутчиковъ и развѣдчиковъ, и пополнялись изъ шамхальскихъ владѣній. Годъ отъ году число аварцевъ росло, вытѣсняя собою постороннiй элементъ, и въ 1850 году команда, считавшая въ своихъ рядахъ уже до четырехъ-сотъ человѣкъ, раздѣлена была на четыре сотни.

Но какъ ни храбры были аварскіе выходцы, какъ ни рѣзко выдѣлялись они своимъ поведеніемъ въ бою отъ остальной милиціи, все же они представляли изъ себя толпу, не имѣвшую прочной организаціи, и не скованную могучей дисциплиной, а потому приносили далеко не ту пользу, которую можно было извлечь изъ энергіи и отваги этихъ людей. Такое обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія командующаго войсками князя Аргутинскаго и любимою мечтою его стало желаніе создать изъ этой милиціи цѣлую самостоятельную боевую часть, которая могла бы, до извѣстной степени, замѣнять собою регулярную конницу. Мысль эту ему удалось осуществить тѣмъ легче, что она вполнѣ соотвѣтствовала видамъ Императора Николая—и 16-го декабря 1851 года послѣдовалъ Высочайшій указъ о сформированіи изъ «команды постоянныхъ всадниковъ»—Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка на слѣдующихъ основаніяхъ:

Полкъ формировался въ составѣ шести конныхъ сотенъ изъ однихъ горскихъ выходцевъ аварскаго племени; опредѣленіе же въ него туземцевъ изъ Прикаспійскаго края хотя и допускалось, но только, какъ исключеніе, въ самомъ огра-

ничтожномъ числѣ, и то изъ людей, которые пріобрѣтали особую извѣстность своею храбростію и преданностію русскимъ. Это поставило боевой элементъ полка сразу на высокую степень, но потребовало и нѣкоторыхъ денежныхъ затратъ, такъ какъ аварцы, выбѣгая изъ горъ, обыкновенно теряли все свое состояніе и, кромѣ коня, оружія, да одежды, которая была на плечахъ, не приносили съ собой ничего. Чтобы дать этимъ людямъ возможность существовать, пришлось назначить имъ довольно значительное содержаніе, и кромѣ того, установить особыя пенсіи, которыя, въ случаѣ увѣчья или смерти всадника, обезпечивали бы его семью, не имѣвшую внѣ полка уже ни угла, ни пристанища.

Денежныя затраты не смущали однакоже князя Аргутинскаго, видѣвшаго ту громадную пользу, которую могъ приносить полкъ, не только своею боевою службою на нашей передовой границѣ; но, главное, своимъ нравственнымъ вліяніемъ на непокорныхъ горцевъ.

Чтобы еще болѣе поднять духъ полка, князь Аргутинскій хотѣлъ передать ему знамя аварскаго народа, хранившееся въ Шурѣ послѣ измѣны Аваріи; но потомъ рѣшилъ, чтобы полкъ въ своемъ новомъ составѣ самъ заслужилъ себѣ знамя, а старое хранилъ-бы въ полковой штабъ-квартирѣ, какъ вѣчное напоминаніе царскихъ щедротъ, излитыхъ нѣкогда на ихъ родную Аварію.

1-го мая 1852 года полкъ окончательно былъ сформированъ и, подъ командою перваго своего командира, маіора Джемарджидзе, занялъ въ 18-ти верстахъ отъ Шуры селеніе Большой Дженгутай. Въ первое время не легкій былъ трудъ пріучить къ порядку людей, никогда не знавшихъ, что такое порядокъ и дисциплина, тѣмъ болѣе, что и помо-

щникъ командира полка, и сотенные командиры, и всѣ офицеры (за исключеніемъ штабныхъ) были тѣ же аварцы, совершенно чуждые понятіямъ о важности и значеніи строя. Нужно было приступить къ дѣлу съ крайнею осторожностію—и, къ счастію, въ лицѣ Джемарджидзе полкъ нашелъ человѣка, съумѣвшаго покорить себѣ сердца полудикихъ горцевъ и пріобрѣсти ихъ безусловное довѣріе. Вотъ что отвѣтилъ одинъ изъ нихъ на слова Джемарджидзе, высказывавшаго увѣренность, что юный полкъ будетъ драться еще съ большею отвагой, чѣмъ прежде.

«Ты знаешъ—сказалъ онъ—какая бездна отдѣляетъ насъ отъ Шамиля. Между нами—кровь. Мы только тогда вложимъ шашки въ ножны, когда обезоруженный Шамиль будетъ нашимъ плѣнникомъ. Ты будь увѣренъ, начальникъ, что для русскаго Царя мы не пощадимъ своей головы, и завѣщаемъ дѣтямъ, чтобы они служили ему также, какъ служимъ мы».

Едва полкъ сформировался, какъ въ концѣ мая 1852 года четыре сотни его потребованы были въ отрядъ на Кутишинскія высоты, а двѣ остались дома охранять наши владѣнія. И здѣсь, и тамъ происходили безпрерывныя схватки; но только зимою этого года, когда отряды были распущены, начинается настоящая служба Дагестанскаго полка, занявшаго кордонную линію, и съ тѣхъ поръ до конца войны стоявшаго безсмѣннымъ стражемъ русской границы. Горцы сразу почувствовали присутствіе на нашихъ линіяхъ какой-то новой, еще невѣдомой имъ силы и не могли понять что сдѣлалось съ милиціей, которую они всегда презирали.

Обстоятельства для нихъ перемѣнились круто. Круглый годъ—и лѣто и зиму, и день и ночь, Дагестанскій полкъ не сходилъ съ своего сторожевого поста, и ни одна партія,

какъ бы мала она ни была, не укрывалась отъ бдительности его засадъ и разъѣздовъ. Одинъ случайный выстрѣлъ въ какой нибудь балкѣ мгновенно подхватывался сторожевыми пикетами —и тревога распространялась на огромномъ пространствѣ. Правда, въ этой изрытой, пересѣченной мѣстности трудно было различить случайный выстрѣлъ отъ боевого, который влекъ за собою чью нибудь смерть, а потому и тревоги часто бывали фальшивыя; но тѣмъ не менѣе, какъ только грянетъ, бывало, сигнальный выстрѣлъ, со всѣхъ сторонъ стройно, въ порядкѣ несутся сотни Дагестанскаго полка, а за ними скачутъ и жители. Туземныя милиціи уже не могли отговариваться теперь незнаніемъ о партіи, не имѣли возможности и уклоняться отъ боя, такъ какъ и впереди и сзади ихъ были все тѣ же неутомимыя, лихія дагестанскія сотни, и жителямъ волею-не волею приходилось драться на ихъ глазахъ и подъ ихъ присмотромъ.

Описывать частные подвиги Дагестанскаго полка значило бы написать цѣлые томы, потому что рѣдкій день въ году проходилъ безъ лихой, молодецкой схватки. И это будетъ совершенно понятно, если припомнить изъ какихъ желѣзныхъ людей составленъ былъ полкъ. Довольно сказать, что въ числѣ этихъ людей находился, напримѣръ, Гайдаръ-бекъ знаменитый сподвижникъ Гаджи-Мурата, бывшій правою рукою его во всѣхъ набѣгахъ и вмѣстѣ съ нимъ покинувшій горы. Его приняли въ Дагестанскій полкъ урядникомъ,—и въ первой же схваткѣ 27-го іюня 1852 года онъ собственноручно изрубилъ знаменщика аварскаго наиба и вырвалъ изъ рукъ его знамя. Вмѣстѣ съ Гайдаръ-бекомъ поступило тогда въ полкъ много гаджи-муратовцевъ,—а это были тѣ самые люди, которые выкрали мехтулинскую хашну изъ Дженгутая, гдѣ

стоялъ цѣлый баталіонъ пѣхоты, побывали въ Шурѣ, гдѣ жилъ самъ Аргутинскій и разбили Буйнаки, всего въ 15-ти верстахъ отъ Дешлагара. Но не менѣе сподвижниковъ Гаджи-Мурата гремѣли многія имена и тѣхъ, которыхъ, по справедливости, можно было назвать столпами полка: таковъ былъ пожелтѣвшій отъ лѣтъ, какъ пергаментъ, старый аварецъ Курбанъ, у котораго дѣти уже служили офицерами въ томъ-же Дагестанскомъ полку: Кура-Магома, также аварецъ, также весь бѣлый какъ лунь, съ перерубленнымъ до половины лицомъ; Бухадаръ чохскій—древній старикъ, которому уже измѣнило зрѣніе, но не измѣнила еще рука, крѣпкая какъ желѣзо; потомъ были богатыри Юсуфъ, Алхазъ и, наконецъ, знаменитый Колодессо-Джембулатъ-оглы изъ Буртуная; но этотъ послѣдній являлся уже какою-то совершенно невозможною, легендарною личностію: онъ одинъ уходилъ въ непокорныя горы, скитался тамъ по нѣсколько дней, укладывалъ своею рукою десятки горцевъ и не разъ пригонялъ съ собою 200—300 барановъ. Понятно, что съ такими людьми можно было пускаться на какія угодно отважныя предпріятія. —и такихъ предпріятій было не мало. Укажемъ на одно, обратившее на себя особое вниманіе удалью и находчивостью нашихъ всадниковъ; это было въ первый же годъ сформированія полка, когда сотни его, только что вернувшіяся съ Кутишинскихъ высотъ, впервые заняли кордонную линію.

Нужно сказать, что недалеко отъ Гергебиля стояло селеніе Кикуны, жители котораго отличались особенною страстью къ набѣгамъ. Чтобы наказать кикунцевъ нужно было выманить ихъ изъ крѣпкаго аула—и за это взялись дагестанскіе всадники. Ночью 14-го ноября двѣ роты пѣхоты тихо сползли къ Гергебилю и сѣли тамъ въ засаду; двѣ сотни даге-

станцевъ остались на высотахъ. Утромъ, когда уже совсѣмъ развиднѣлось, 11 всадниковъ, подъ начальствомъ Гайдаръ-бека, привыкшаго къ подобнымъ дѣламъ въ партіяхъ Гаджи-Мурата, переодѣлись мюридами, надѣли чалмы и стали опускаться съ гергебильскихъ высотъ къ Кикунамъ; они гнали передъ собою нѣсколько ешаковъ и двухъ-трехъ плѣнныхъ женщинъ, (тоже переодѣтыхъ) и усердно отстрѣливались холостыми патронами отъ кучки всадниковъ, скакавшихъ по самой горѣ. Вся эта сцена ухода и преслѣдованія разыграна была такъ живо, такъ удачно и съ такимъ увлеченіемъ, что кикунцы дались въ обманъ и, не выдержавъ, кинулись помогать мюридамъ. Но едва они приблизились къ Гайдаръ-беку, какъ мнимые мюриды бросились въ шашки, а тутъ подоспѣли пѣхота и сотни—и растерявшіеся кикунцы потерпѣли такой погромъ, о которомъ и теперь вспоминаютъ ихъ старики.

Но мѣрѣ того, какъ строевое образованіе дѣлало успѣхи и полкъ все болѣе и болѣе освоивался съ своимъ новымъ положеніемъ—онъ точно мужалъ, дѣлался сильнѣе, непобѣдимѣе. Мюриды на открытыхъ мѣстахъ уже не смѣли выдерживать его стремительныхъ атакъ и стали сознавать, что имѣютъ дѣло не съ равными себѣ горцами. Въ окрестностяхъ стало гораздо тише и нападенія производились преимущественно уже тогда, когда полкъ находился въ походахъ.

Въ 1853 году четыремъ сотнямъ Дагестанскаго полка пришлось совершить знаменитый походъ съ княземъ Аргутинскимъ черезъ вѣчные снѣга Гутуръ-дага, и одному изъ всадниковъ полка, Ганапи, отрядъ обязанъ счастливымъ исходомъ этого рискованнаго предпріятія. Когда войска подошли къ подножію Гутуръ-дага, проводники заявили, что густой снѣгъ, шедшій наканунѣ, такъ завалилъ всѣ горныя

тропы и лощины, что никто изъ нихъ не берется провести отрядъ. Войска очутились въ критическомъ положеніи. Тогда вышелъ впередъ Ганапи и объявилъ, что берется провести отрядъ лучше, чѣмъ проводники, потому что, когда былъ мюридомъ, не разъ ходилъ по этимъ тропамъ въ Кахетію на добычу и знаетъ Гутуръ-дагъ, какъ свою родную поляну. Пробуя ногами снѣгъ и, какъ бы чутьемъ угадывая подъ нимъ направленіе тропинки, Ганапи пошелъ впередъ; за нимъ отправился сотникъ Квинитадзе съ охотниками и они вывели отрядъ благополучно. Спустившись съ горъ, четыре дагестанскія сотни первыми прискакали къ Мессельдегерскому укрѣпленію; но Шамиля тамъ уже не застали. Освобожденный гарнизонъ привѣтствовалъ появленіе полка громкимъ крикомъ «ура.» Всадники остановились на высокомъ бугрѣ и отвѣчали на восторженные крики зурной и лезгинкой.

Въ слѣдующемъ, 54-мъ году четыре сотни полка ходили въ Уркарахъ, а потомъ въ Салатавію. Штурмъ Уркараха принадлежитъ къ одному изъ славнѣйшихъ подвиговъ полка: дагестанцы въ-упоръ подскочили къ аулу, спѣшились, и, какъ кошки, вскарабкались, при помощи тонкихъ жердей, на пяти-аршинную стѣну. И прежде, чѣмъ успѣли съ другой стороны подойти баталіоны—сотенные значки уже вѣяли въ аулѣ. Но этого мало; чтобы облегчить штурмъ нашей пѣхотѣ, всадники подползли къ укрѣпленной башнѣ, и вдругъ, разомъ подняли на ружьяхъ свои папахи; непріятель далъ залпъ, пробитыя папахи слетѣли на землю, а всадники кинулись впередъ и заложили бойницы.

Не такъ удачно окончилась для Дагестанскаго полка салатавская экспедиція. Здѣсь, какъ и въ Уркарахѣ, Дагестанскій полкъ съ налета овладѣлъ Буртунаемъ; но, къ не-

счастію, всадники бросились грабить аулъ, а между тѣмъ горцы опомнились и стремительнымъ ударомъ смяли и отбросили полкъ съ большою потерею. Два сотенные командира Мирза-бекъ и Нуричевъ съ 70-ю всадниками были отрѣзаны въ аулѣ. Произошла жаркая схватка: Нуричевъ былъ раненъ, Мирза-бекъ убитъ, до 40-ка всадниковъ изрублены,— и только 30-ть съ урядникомъ Гамзатомъ успѣли проложить себѣ дорогу кинжалами.

Въ промежуткѣ между этими двумя дѣлами, Дагестанскій полкъ сдѣлалъ замѣчательный набѣгъ въ Бурундукальское ущелье, которое считалось неприступнымъ. Ограниченное отвѣсными скалами, оно упиралось выходомъ своимъ въ Аварское Койсу и аулъ Ирганай; а входъ въ него былъ закрытъ четырехъ-аршинною каменною стѣной, съ продѣланною въ ней лишь небольшою калиткой. Такъ какъ обойти стѣну было нельзя, то горцы считали себя за ней въ совершенной безопасности и спокойно пасли въ ущельѣ стада. Но каменная стѣна не остановила дагестанцевъ. 16 мая 1854 года четыре сотни ихъ внезапно кинулись въ ущелье и прежде чѣмъ въ Ирганаѣ узнали о нападеніи, стѣна была разбросана и всадники скрылись, уведя съ собою болѣе 2000 барановъ.

Еще замѣчательнѣе былъ набѣгъ, сдѣланный на селеніе Кудухъ, уже въ іюнѣ 55-го года. Нужно сказать, что Кудухскія высоты оканчиваются къ сторонѣ аула обрывомъ не менѣе 60-ти саженъ, казалось, пути далѣе не было; но всадники разыскали какую-то расщелину, бросили лошадей и стали по ней спускаться пѣшкомъ. Вдругъ расщелина эта исчезла и передній человѣкъ, сорвавшись, слетѣлъ внизъ съ совершенно отвѣсной скалы. Къ счастію, онъ не расшибся. «Прощайте, не поминайте лихомъ!» крикнулъ онъ товари-

щамъ.—Не безпокойся, всѣ будемъ у тебя—отвѣчали ему сверху и, дѣйствительно, одинъ по одному, спуская другъ друга на аркапахъ, обѣ дагестанскія сотни сползли внизъ и въ одно мгновеніе отхватили у кудуховцевъ тысячу барановъ. Поднялась тревога—и всадникамъ пришлось плохо, такъ какъ выбраться изъ этой трущобы и вытащить барановъ было невозможно. И вотъ, пока одни отстрѣливались, другіе пристроили кос-какъ къ обрыву топкія жердочки, устлали ихъ бурками и стали тащить барановъ наверхъ; штукъ двѣсти втащили, какъ жерди рухнули, и всадники очутились въ самомъ безпомощномъ положеніи. Въ это самое время подоспѣли апшеронцы. Не имѣя возможности спуститься внизъ, они разсыпались по гребню и открыли страшный огонь по непріятелю. Въ то же время пущены были входъ веревки, ремни, пояса и на нихъ стали втаскивать дагестанцевъ, изъ которыхъ каждый тащилъ съ собой по барану. Такимъ образомъ было совершено это удивительное воздушное отступленіе подъ огнемъ непріятеля.

Въ томъ же году, 26-го октября, случилось дѣло, которое, по справедливости, должно украсить собою лѣтописи Дагестанскаго полка. Это было въ то время, когда четыре сотни полка находились въ табасаранскомъ походѣ, а дома оставались только двѣ, изъ которыхъ 5-я, сотника Абдуррахмана Нуричева, 26-го числа была назначена въ прикрытіе жителей, слѣдовавшихъ въ лѣсъ за дровами. Въ Аркасской котловинѣ сотня эта натолкнулась на засаду въ 5000 человѣкъ, предводимыхъ Кази-Магомою. Отступать было невозможно, и сотня спѣшилась, залегла за камнями, и здѣсь была атакована непріятелемъ, въ 50 разъ превосходившемъ дагестанцевъ силами. Какъ только первая атака была отби-

та, въ сотнѣ заиграла зурна и подъ ея одушевляющіе звуки всадники на-глазахъ Кази-Магомы пустились танцовать лезгинку. Картина выходила поразительная. Съ одной стороны веселая пляска и музыка, съ другой — гробовое пѣніе: «Ляги-лага, илл-лага»... Замѣтивъ по этому пѣнію, что горцы сейчасъ начнутъ вторую атаку, Пурпчевъ, уже раненый пулею, приказалъ готовиться къ рукопашному бою. Всадники воткнули около себя обнаженныя шашки, чтобы имѣть ихъ подъ рукой и сотня, такимъ образомъ, явилась какъ бы огражденная булатнымъ частоколомъ. Десять атакъ были отбиты одна за другою; четыре часа дралась сотня и, конечно, погибла бы, потому что у ней не было уже патроновъ но какъ-разъ въ эту минуту подоспѣла помощь. Ее выручилъ Ибрагимъ-ханъ-Мехтулинскій.

Командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани, желая увѣковѣчить въ полку память объ этой славной битвѣ, подарилъ 5-й сотнѣ бѣлый шелковый значокъ съ золотою бахромой и съ золотою надписью на русскомъ и арабскомъ языкахъ: «Аркасъ. 26-го октября 1855-го года». Истрепанный временемъ, но дорогой по воспоминаніямъ, этотъ значекъ и понынѣ освѣняетъ собою храбрую сотню.

Какъ только полкъ вернулся изъ Табасарани, рѣшено было тотчасъ наказать горцевъ за дерзкій набѣгъ ихъ на 5-ю сотню и цѣлью нападенія избрано опять Бурундукальское ущелье. Но на этотъ разъ оно было укрѣплено гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде. Вмѣсто старой стѣны, горцы поставили новую въ пять аршинъ высоты и въ сажень толщиною, съ круглою двухъ-этажною башнею, занятою карауломъ. Взять открытою силой такую стѣну было невозможно, — пустились на хитрость.

Три сотни сѣли въ засаду, а 10-ть человѣкъ охотниковъ отправились прямо къ стѣнѣ: семь шли въ оборванныхъ костюмахъ съ мѣшками за спиною, три были переодѣты женщинами и гнали передъ собою нѣсколько барановъ. Подойдя къ калиткѣ, они назвались бѣглыми шамхальцами и просили пропустить ихъ къ нашбу. Караулъ, привлеченный любопытствомъ, покинулъ башню: но, тѣмъ не менѣе, потребовалъ, чтобы пришедшіе мущины положили оружіе. Это неожиданное требованіе поставило нашихъ охотниковъ въ опасное положеніе. Тогда урядникъ Койхосро (Шикартинскій), видя, что времени терять нельзя, выстрѣлилъ, и переодѣтые женщины первые бросились на ошеломленный караулъ. Отбитый отъ башни, онъ бросился бѣжать на Ирганай, а между тѣмъ на выстрѣлъ прискакали сотни, быстро разметали башню и опять угнали съ собою три кутана барановъ.

Этимъ эпизодомъ начался 1856 годъ, закончившійся отважными набѣгами полка въ Гимры, въ Салатавію и наконецъ 1-го января 1857 года пораженіемъ салатавскаго нашба въ окрестностяхъ Темиръ-Хань-Шуры.

Но близился уже мигъ покоренія Кавказа, и первымъ шагомъ къ нему было занятіе нами Салатавіи лѣтомъ 1857 года. Здѣсь видная роль выпала на долю именно Дагестанскаго полка—«одной изъ лучшихъ частей Кавказской арміи», какъ выразился о немъ главнокомандующій въ письмѣ къ военному министру. Битвы 7-го іюня на высотахъ между Буртунаемъ и Алманомъ, и потомъ 1-го августа, при нападеніи на нашихъ фуражировъ, уже обратили на него вниманіе цѣлаго отряда; но бой 6-го ноября, при нападеніи Кази-Магомы съ десяти-тысячнымъ скопищемъ на Новый Буртунай, выходилъ даже изъ ряда обыкновенныхъ подвиговъ. «Дагестанскій

полкъ—доносилъ князь Барятинскій—стремительно понесся въ атаку на многочисленнаго непріятеля, врѣзался въ толпы его, изрубилъ, разсѣялъ ихъ, и самъ Кази-Магома едва не былъ схваченъ нашими всадниками; онъ ускакалъ, оставивъ въ ихъ рукахъ сѣкиру—символъ власти, дарованной ему Шамилемъ. Пораженіе непріятеля было полное и совершено на-глазахъ отряда однимъ Дагестанскимъ конно-иррегулярнымъ полкомъ».

Это блистательное дѣло доставило полку первые знаки Монаршаго вниманія — ему пожалованы были знамена, которыхъ онъ еще не имѣлъ и которыя князь Аргутинскій, первый основатель полка, завѣщалъ ему заслужить въ кровавыхъ бояхъ съ непріятелемъ. Завѣтъ князя, имя котораго съ глубокимъ благоговѣніемъ и теперь еще произносится въ полку, былъ исполненъ; мало того, ровно черезъ 20 лѣтъ дагестанцы перемѣнили эти знамена на новыя—георгіевскія.

Весь 1858-ой годъ Дагестанскій полкъ проводитъ въ походахъ по Салатавіи, Ауху и Гумбету. Только въ октябрѣ сотни возвратились домой и пришлись за свою обычную сторожевую службу. Въ это-то время, 25-го октября, сильная партія горцевъ спустилась близъ Губденя и захватила жительскій скотъ. На тревогу выскочила 6-я сотня Имама-Газали. Но, какъ только горцы замѣтили нашу малочисленность, они повернули назадъ и бросились въ шашки. Обѣ стороны на полномъ карьерѣ сшиблись въ такомъ ужасномъ шокѣ, что нѣсколько лошадей были опрокинуты. Цѣлыя пять минутъ длилась рукопашная схватка; ожесточеніе было такъ велико, что враги, выбитые изъ сѣделъ, продолжали борьбу на землѣ и душили другъ друга въ объятіяхъ до тѣхъ поръ, пока кинжалъ одного не отправлялъ въ вѣчность другого. Это рѣдкое

кавалерійское дѣло, отмѣченное необыкновенною рѣшимостью обѣихъ сторонъ довести атаку до конца, завершилось полнымъ пораженіемъ горцевъ.

Въ воспоминаніе этого славнаго боя, 6-я сотня и понынѣ носитъ передъ своимъ строемъ голубой шелковый значекъ съ надписью «Зелли-Кака 25-го октября 1858 года», подаренный ей тогда-же командующимъ войсками, барономъ Врангелемъ.

Начало 1859 года застаетъ полкъ уже въ Ичкеріи, подъ начальствомъ новаго командира, полковника князя Чавчавадзе *). Уроженцы безлѣсныхъ горъ Дагестана, всадники въ короткое время такъ свыклись съ лѣсными трущобами Чечни, что никая чаща, ни вѣковые чинары уже не составляли для нихъ преграды. Рядъ славныхъ дѣлъ, начатыхъ въ Ичкеріи, продолжается ими въ горахъ Дагестана, на берегахъ Андійскаго Койсу (знаменитая сагратлинская переправа) и завершается Гунибомъ, гдѣ 2-я дагестанская сотня, имѣя во главѣ Квинитадзе, первая всходитъ по сѣверо-восточному склону горы и на вершинѣ ея встрѣчается съ апшеронцами. На долю дагестанцевъ выпадаетъ честь конвоировать плѣненнаго Шамиля въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Сопровождая его, всадники невольно вспомнили слова, сказанныя однимъ изъ нихъ Джемарджидзе: «мы вложимъ свои шашки въ ножны только тогда, когда Шамиль будетъ нашимъ плѣнникомъ».

И вотъ то событіе, къ которому всѣ чины Дагестанскаго полка стремились въ продолженіи 16-ти лѣтъ, съ перваго дня выхода своего изъ Аваріи, совершилось. Вся Россія праздновала плѣненіе Шамиля; но нигдѣ радость эта не имѣла такого глубокаго значенія, какъ въ рядахъ дагестан-

*) Нынѣ командиръ 1-го Кавказскаго корпуса.

цевъ—паденіе имама возвращало имъ утраченную родину, семейства, забытыхъ друзей, товарищей дѣтства.

За окончаніе кавказской войны полку пожалованы серебряныя трубы.

Прошло 11-ть лѣтъ совершенно мирнаго времени, и люди, воспитанные въ бранныхъ тревогахъ, уже начинаютъ скучать своимъ бездѣйствіемъ. Но вотъ, въ апрѣлѣ 1870 года приходитъ вѣсть о возмущеніи киргизовъ по ту сторону Каспійскаго моря и объ осадѣ Александровскаго форта. На Кавказѣ быстро формируется небольшой отрядъ, который моремъ перевозится на Мангишлакъ—и своимъ появленіемъ заставляетъ киргизовъ отступить отъ форта. Въ составѣ этого отряда находятся двѣ сотни Дагестанскаго полка. Но первая встрѣча съ киргизами обошлась дагестанцамъ не дешево. 21-го апрѣля, верстахъ въ 12-ти отъ Александровскаго форта, 800 адаевцевъ атакуютъ 57 всадниковъ, возвращавшихся въ крѣпость. Рѣшившись мгновеннымъ натискомъ пробить себѣ путь сквозь непріятельскую толпу, дагестанцы бросились въ шашки,—они пробились, но потеряли 23 чел. изрубленными. Чрезъ 2 года дагестанцы снова являются на томъ берегу, какъ участники хивинскаго похода. Хивинскій походъ загладилъ эту неудачу. Не много дѣлъ выпало на долю дагестанцевъ въ эту экспидицію, но это были такія дѣла, которыя полкъ можетъ съ гордостью вписать въ свою боевую лѣтопись.

Въ походъ назначены были двѣ сотни, 3-я и 4-я, подъ общею командой ветерана полка подполковника Квинитадзе. При нихъ находился и командиръ полка, полковникъ Теръ-

Асатуровъ. Обѣ сотни поступили въ составъ мангишлакскаго отряда генерала Ломакина, и первый бой съ противникомъ произошелъ 19-го мая между Ходжейли и Хивою. Не ожидая наводки моста черезъ глубокій и широкій арыкъ Джаманъ-Чаганахъ, Квинитадзе пускаетъ вплавь свои сотни подъ ружейнымъ огнемъ непріятеля и, выскочивъ на берегъ, несется въ атаку. Масса хивинской конницы дала передъ ними тылъ, и Квинитадзе гонитъ и рубитъ ее на-глазахъ отряда. Эта отважная переправа сразу составила репутацію полку и завоевала ему общее уваженіе.

Затѣмъ 27 мая хивинцы дѣлаютъ ночное нападеніе на отрядъ и отгоняютъ всѣхъ верблюдовъ. Кто знакомъ со степными походами, тотъ знаетъ въ какое положеніе становятся войска, лишившіяся своихъ перевозочныхъ средствъ. Къ счастію, Квинитадзе поправляетъ дѣло. Съ одною сотней кидается онъ наперерѣзъ хивинцамъ и сталкивается съ двухъ-тысячною хивинскою конницей. Мгновенный ударъ въ шашки—и на мѣстѣ остается болѣе двухъ-сотъ хивинскихъ тѣлъ. Квинитадзе съ торжествомъ пригоняетъ верблюдовъ обратно. Эта безусловно лихая атака доставила Квинитадзе георгіевскій крестъ. Не менѣе славное участіе принимаетъ дагестанскій дивизіонъ и въ кровавомъ бою 15 іюля подъ Иль-алы; когда ночное нападеніе іомудовъ поставило туркестанскій отрядъ Головачова въ крайне опасное положеніе.

Такъ славно сослужили службу дагестанскія сотни въ пустынныхъ степяхъ Средней Азіи и вернулись назадъ, украшенныя знаками на своихъ папахахъ «За отличіе въ хивинскомъ походѣ 1873 года».

Черезъ тетыре года начинается турецкая война. Весь Дагестанъ глухо волнуется; но полкъ остается вѣрнымъ сво-

ему знамени. Ни единство религіи, ни родственныя связи— ничто не въ состояніи пошатнуть эту глубокую преданность людей, уже сроднившихся съ русскими въ тяжелыя годины кавказской войны.

Полкъ выдѣляетъ отъ себя кадры, которые служатъ основаніемъ тремъ новымъ Дагестанскимъ полкамъ и вноситъ въ нихъ ту же преданность долгу, ту же испытанную вѣрность, которыми отличается самъ. Изъ числа этихъ новыхъ полковъ, 3-й, подъ командой подполковника князя Чавчавадзе, *) геройски сражается въ Азіятской Турціи и приноситъ съ собой знаки на головномъ уборѣ «За отличіе въ турецкую войну 1877—1878 г.» и георгіевское знамя «За взятіе Карса 6 ноября 1877 года».

Между тѣмъ, въ это же самое время старый Дагестанскій полкъ, принявшій № 1-й, громитъ мятежныя шайки въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Цѣлый рядъ славныхъ дѣлъ между Черкеемъ и Буртунаемъ, бой подъ Лавашами, гдѣ одинъ дивизіонъ кидается на шести-тысячное скопище горцевъ, битва у Каякента, штурмъ Сагрытло и Цудахара—вотъ тѣ подвиги, памятникомъ которыхъ служитъ пожалованное полку георгіевское знамя.

Затѣмъ въ 1879 году полкъ, подъ командой полковника князя Чавчавадзе, участвуетъ въ ахалъ-текинской экспедиціи генерала Ломакина, а въ 1885 идетъ очищать Муганскую степь отъ разбойничьихъ шаекъ.

Въ домашней жизни полка необходимо отмѣтить за этотъ періодъ времени слѣдующіе факты. По окончаніи кавказской войны полкъ перемѣняетъ штабъ-квартиру и изъ Бальшого

*) Нынѣшній командиръ полка—получившій за штурмъ Карса орденъ св. Георгія 4 степени.

Дженгутая переходитъ въ Агачъ-кала, а затѣмъ, послѣ турецкой войны 77-го года,—въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Съ упраздненіемъ въ Дагестанѣ званія командующаго войсками, которому полкъ подчинялся непосредственно,—онъ входитъ въ 1884 году въ составъ 21-й пѣхотной дивизіи.

Съ окончаніемъ кавказской войны, создавшей Дагестанскій полкъ, онъ не утратилъ и никогда не утратитъ своего значенія, какъ превосходный кадръ для образованія лихихъ конныхъ полковъ изъ дагестанскихъ горцевъ, а боевыя преданія, свято хранимыя въ полку, научатъ дѣтей и внуковъ нынѣшнихъ всадниковъ съ гордостію понести свое георгіевское знамя на враговъ Царя и Россіи.

2007057033